Е.И. Алексеевская

ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

МОНОГРАФИЯ

ЮСТИЦИНФОРМ

Москва,
2016

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В основе монографии лежит диалектическое описание судебной системы как целенаправленной системы, имеющей сложную иерархию и правила функционирования, находящейся в постоянном взаимодействии внутренних ее элементов и внешних факторов влияния, в том числе других ветвей власти, в результате чего наблюдаются структурные изменения самой судебной системы, ее компетенции и качества правосудия в целом. Книга дает новое понимание современного состояния судебной системы и возможностей ее развития, решения современных вызовов и задач.

Книга может быть полезна в учебно-образовательной программе на юридических факультетах и кафедрах ВУЗов, в программе повышения квалификации у государственных служащих, а также всем интересующимся вопросами организации судебной системы и ее полномочий.

- Екатерина Алексеевская
  -
  - Благодарности
  - Введение
  - Глава i
    - § 1.1. История возникновения и развития отечественной судебной системы
    - § 1.2 Феномен судебной системы в юридической науке
    - § 1.3. Значение и роль судебной системы в системе органов государственной власти
  - Глава ii
    - § 2.1. Политика и судебная система
    - § 2.2. Экономические циклы и кризис судебной системы
    - § 2.3. Административно-территориальное деление России как условие формирования судебной системы
    - § 2.4. Правовое регулирование механизма исправления судебной ошибки
    - § 2.5. Российский механизм исправления судебной ошибки и европейские стандарты справедливого судебного разбирательства
  - Заключение
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176

- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211

Екатерина Алексеевская
Законы развития судебной системы

Посвящается В.И. Лазареву

E.I. ALEKSEEVSKAYA

LAWS
OF THE JUDICIARY

Monograph
Moscow
YUSTITSINFORM

In the basis of book lies the dialectical description of the judicial system as a purposeful system having a complex hierarchy and rules of functioning, which is in continuous interaction of its internal elements and external factors of influence, including other branches of government, therefore structural changes of the judicial system in itself, as well as its competence and the quality of justice in general are observed.

Consideration by the author of judicial system as an integrated dynamic system allows to reveal a number of regularities in its cyclical development.

Society, as it is known, develops in a spiral. Exactly this model of evolution in philosophy arose as a result of the interaction of the three laws of dialectics: the unity and conflict of opposites, the transition of quantitative changes into qualitative, and the negation of negation. The court as a mirror of society repeats the convolutions of its development. The line forming a spiral is the hierarchy of the judicial system. At the same time this line, as the spiral of lower order, represents the unification and differentiation of judges' specialization in consideration and resolution of cases, in jurisdiction and official knowledge of controversies, as well as the centralization and decentralization of judicial control, and as a consequence, the redistribution of powers between the judicial instances (appeal, cassation, supervision). Reduction or increase in number of judicial instances occurs simultaneously with the change of the administrative-territorial division of the state, and principles of government, the population size, and hence the number of cases coming to court. Depending on what authority (judicial or non-judicial) heads the judicial system and carries out check of the court decisions, there is

the correction of its principles and procedures.

The domestic judicial system, having passed some cycles, recently passed the bifurcation point and again is in an unstable state. Evidence of this is the merger of higher judiciary in the system of arbitration courts and courts of general jurisdiction, despite the fact that this task was not included in the Federal target program for development of the judicial system until 2020.

Complex study of factors influencing the judicial system will allow us to comprehend the global processes in society and the state – as being fundamentals in forming the structure of the judicial system and principles of its functioning. Such researches are useful for fledged understanding the history of the development of the domestic judicial system and its trends. Therefore, taking into account the history of transformations and their scales, the book gives a new understanding of the modern state of judicial system and possibility of its modeling – with due regard for the mistakes of the past.

Благодарности

Появление этой книги на свет было бы невозможно, если бы мой научный руководитель В.М. Жуйков на рубеже нулевых годов не убедил меня обратить внимание и направить свои усилия на изучение проблем производства в суде надзорной инстанции в гражданском процессе. При выполнении диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Теоретические и практические проблемы производства в суде надзорной инстанции» мною был выявлен ряд закономерностей и повторения развития проверочных инстанций в отечественной судебной системе. Однако они не укладывались в границы той научной работы, поэтому все это время оставались «за скобками». Только работа в Высшей школе экономики мне позволила завершить творческий замысел.

Выражаю глубокую признательность своим коллегам из Высшей школы экономики – доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой В.Б. Исакову и доктору юридических наук, профессору Ю.Г. Арзамасову, которые содействовали плодотворному обсуждению на кафедре теории права и сравнительного правоведения исторической части концепции названного исследования.

Я благодарна директору Института проблем правового регулирования Высшей школы экономики А.С. Гутниковой за поддержку, помощь и создание благоприятных условий для научно-исследовательской деятельности.

Научное исследование в области изучения надзорных и контрольных полномочий органов исполнительной и судебной власти было поддержано грантом Министерства образования и науки Российской Федерации по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, которое позволило продвинуться в этом направлении.

Признательна главному научному сотруднику Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидату юридических наук

Л.Ф. Лесницкой и доценту кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», кандидату юридических наук И.В. Рехтиной, чьи конструктивные рецензии позволили монографию сделать лучше.

Выражаю благодарность своим давним друзьям и мужу, которые прочли рукопись и сделали критические замечания и конструктивные предложения.

Введение

Практика последних лет показала, что в судебной системе происходят именно те структурные и функциональные изменения, которые не планировались федеральной целевой программой развития судебной системы. Так, например, федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» не предусматривала объединение Высшего Арбитражного Суда России и Верховного Суда России, а также создание Суда по интеллектуальным спорам. Это может свидетельствовать о том, что неверная оценка чиновниками сложившейся ситуации и необходимых мер по повышению эффективности судебной системы приводит ее в состояние адаптации к имеющимся трудностям. Но, не дождавшись результатов реформы, власть проводит контрреформы. В процессуальное законодательство и в законодательство о судебной системе вносятся изменения и дополнения под эгидой приведения его в соответствие с требованиями концепции справедливого судебного разбирательства, воспроизведенной в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) и конституционных положений, регулирующих вопросы судебной власти.

Вместе с тем в большинстве случаев законодательные поправки носят точечный характер, что нарушает целостность и последовательность логики нормативных правовых актов в этой сфере. Часть законодательных инициатив носит диаметрально противоположный характер в отличие от тех, что ожидаются обществом в контексте международных обязательств в области судебной защиты прав человека и основных свобод. Так, например, в последнее время законодатель вносил предложения о процессуальном сроке обжалования судебных актов в порядке надзора, то ограничивая период времени с одного года до трех месяцев[1], то утверждая, что подобные рамки априори нарушают права человека[2]. Эти противоречивые законодательные инициативы на коротком отрезке времени создают эффект déjà vu. При этом аналогичные положения, ранее имевшие место в отечественном законодательстве, не воспринимаются в таком ключе законодателем, а считаются традицией права. Примером возрождения такой отечественной традиции права было введение института мировой юстиции в 1998 году, который в настоящее время порождает множество вопросов, в том числе в области обеспечения единства судебной практики. Власть серьезно озадачена этой структурной единицей судебной системы, но

признание ее неэффективной одновременно означало бы констатацию ошибочности ранее принятых решений планирования развития судебной системы, что в современных условиях практически невозможно.

В результате воспроизведения в законодательстве «новых» правоположений о судебной системе и правилах ее функционирования повторяются правовые модели, и трудности их реализации на практике, что, в конечном счете, заставляет законодателя отказаться от принятой модели и перейти к «новой» и так далее. Создается картина постоянной смены правовых институтов по спирали.

Однако это неочевидно в силу политической релевантности правовых идей на разных этапах развития общества и государства. В советской юридической науке было под запретом изучение буржуазного права, поэтому если оно и упоминалось в научных работах того времени, то лишь в качестве противопоставления достигнутому высокому уровню советского права. В период новейшей истории России оживился интерес к прежним правовым институтам, а в настоящее время презентация какой-либо идеи права почти не обходится без проведения параллелей с отечественными памятниками права. В связи с чем приходит понимание не только правовой природы институтов права, но и ошибочности некоторых шагов в области архитектуры судебной системы и правил ее функционирования.

Востребованность научного исследования также продиктована объективной необходимостью приведения правил судопроизводства в соответствие с европейскими стандартами справедливого судебного разбирательства, а также достижением целей и решением задач, определенных в стратегических документах Российской Федерации.

Актуальность научного исследования обусловлена исключительной важностью обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а равно организаций правосудием, которое должно достигать не только конституционной цели, но и решать задачи судопроизводства, в целом отвечая требованиям справедливого судебного разбирательства.

Целью научного исследования является обоснование теории диалектического развития отечественной судебной системы и поиск закономерностей ее формирования. Выявление закономерностей позволит определить внешние и внутренние факторы влияния на судебную систему, которые приводят ее к трансформации, что, в свою очередь, даст возможность использовать их в качестве индикаторов оценки состояния

судебной системы. Использование дополнительных индикаторов в федеральной целевой программе развития судебной системы в будущем создаст возможность принятия адекватных и своевременных мер по уравновешиванию судебной системы в динамике. Стабилизация судебной системы является необходимым условием ее эффективности, достижения конституционных целей и разрешения задач правосудия. Для достижения обозначенной цели научного исследования требуется решить следующие научные задачи:

– проанализировать существующие подходы к решению проблем эффективности судебной системы в области обеспечения правосудием прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а равно организаций, формирования единства судебной практики, единства правового пространства;

– определить значение и роль судебной системы в системе обеспечения, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а равно организаций в контексте конституционных задач правосудия;

– проанализировать памятники права и действующее законодательство, устанавливающее механизм исправления судебной ошибки с целью защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, формирования единства судебной практики, единства правового пространства. При этом уделяется внимание административно-территориальному устройству России как условию формирования судебной системы и ее иерархии;

– проанализировать внешние и внутренние факторы, дестабилизирующие судебную систему;

– изучить правовое регулирование, определяющее порядок реализации полномочий суда (судьи) при проверке судебных актов;

– рассмотреть иерархию судебной системы, правила подсудности жалоб (представлений прокурора) на судебные акты и правила их проверки, эффективность этого механизма в достижении цели и задач правосудия во взаимосвязи с полномочиями проверяющих судебных инстанций;

– сформулировать рекомендации по совершенствованию процессуального законодательства и законодательства о судебной системе с целью действенного обеспечения правосудием прав, свобод и законных интересов, формирования единства судебной практики, единства правового пространства и стабилизации динамичной судебной системы.

Объектом научного исследования выступают правовое регулирование проверочных производств и иерархичность

судебных инстанций в различные периоды времени.

Предметом научного исследования являются сущность иерархии судебной системы и правила ее функционирования, полномочия высшего (судебного) органа власти в контексте законов диалектики. Анализ предмета исследования подразумевает глубокое изучение проблем судебной системы в области обеспечения конституционных задач по обеспечению, соблюдению и защите прав, свобод и законных интересов каждого и формирования единства судебной практики, единства правового пространства, а также исследование взаимозависимости проблем судебной системы и ее эффективности, взаимообусловленности иерархии судебной системы и ее стабильности. Эти вопросы рассматриваются через призму законов диалектики для выявления закономерностей, дестабилизирующих факторов и анализа принятых решений их преодоления.

В настоящее время рассмотрение вопросов судебной защиты и формирования единства судебной практики в юридической науке связывают, как правило, либо с правовым статусом какого-либо субъекта, обладающим правом на обращение в суд, либо с правовым регулированием судопроизводства или ее стадии, либо с соотношением требований международных актов в области защиты прав человека и основных свобод и национального процессуального законодательства.

В современной юридической науке не исследовались закономерности эволюции отечественной судебной системы по обеспечению правосудием прав, свобод, законных интересов и формированию единства судебной практики в контексте законов диалектики. Это объясняется тем, что наука, в том числе юридическая, делится на специальности, которые предопределяют «колею» научного исследования. Рассмотрение предмета научного исследования с точки зрения других специальностей позволяет сочетать разные методы, в результате чего возникает междисциплинарное исследование.

Основу данного научного исследования составляет материалистическая диалектика, которая выступает всеобщим законом движения и развития, а также ее производные интерпретации: концепция устойчивого развития, теория согласия и конфликта, теория равновесия, теория катастроф, теория экономических циклов, используемые в других областях науки. Также автор использовала предметно-логический, структурно-функциональный и системный виды анализа; феноменологический и культурологический подходы; функциональный, логико-исторический, грамматический и

технико-юридический методы; анкетирование, синергетику, дедукцию и индукцию, сравнительное исследование.

Отличие данного научного исследования от других работ, посвященных повторяющимся явлениям, заключается в том, что в нем анализируются памятники права и действующее законодательство, устанавливающие механизм исправления судебных ошибок, условия формирования единства судебной практики и единства правового пространства. На основе выявленных закономерностей и причинности изменений судебной системы мы предлагаем индикаторы оценки ее состояния, использование которых позволит уравновесить (стабилизировать) судебную систему. Познание закономерностей и самоподобного развития, выраженных в правовых моделях проверки судебных актов и формирования единства судебной практики, и единства правового пространства сопряжено с уяснением множества нюансов. Их тщательное описание на каждом этапе развития судебной системы размывает картину самоподобного повторения на следующем витке. Поэтому краткий экскурс в историю обусловлен не скупостью автора осветить все богатство исторической картины развития отечественного суда, а его стремлением через сублимацию исторических событий и сложившихся отношений, запечатленных в памятниках права, показать повторяющиеся витки развития. Чем насыщенней нюансами автор рисовал бы историческую картину эволюции судебной системы, тем едва уловимой становилась бы его идея для читателя. Поэтому необходимой мерой являлось именно непродолжительное погружение в историю возникновения и развития отечественной судебной системы. По этим же причинам отдельно рассматриваются вопросы, связанные со структурой судебной системы, вытекающие из положения в иерархии компетенции ее элементов и порядок функционирования.

В отечественной и западной науке создана теоретическая и эмпирическая база для правового исследования проблем обеспечения, соблюдения и судебной защиты прав, свобод и законных интересов, а также формирования единства судебной практики. Вместе с тем поиск методологического осмысления отечественной судебной системы в контексте законов диалектики находится только в начале пути, и каждый шаг к формированию новой методологии является актуальным и важным. Ограниченность в познании связей проблем судебной системы и ее эффективности, иерархии судебной системы и ее стабильности вызывает необходимость выработки нового уровня методологии. Разрешение обозначенных проблем в данном научном

исследовании может быть найдено при помощи синергетики и системного анализа, которые позволят интегрировать ряд парадигм философских, экономических, социальных и юридических наук.

Рассмотрение отечественной судебной системы в глобальном масштабе охватывает первые зачатки правосудия до наших дней, позволяя постичь не только протекающие эволюционные процессы, осмыслить сегодняшнее состояние судебной системы, но и сделать прогнозы на будущее, своевременно принять адекватные меры реагирования на вызовы и угрозы. Это дает возможность взглянуть на судебную систему шире, как на открытую и постоянно взаимодействующую систему с внешними факторами влияния, которые приводят к изменению ее внутреннего состояния.

Также это позволит объективно оценивать «новации» по преодолению имеющихся трудностей в правовом регулировании функционирования судебной системы и ее структуры, иерархии, что должно обеспечить некоторую стабильность и отказ от резко диаметральных решений.

Данная работа является ответом на постоянный ввод в законодательство «новых» и «сверх новых» правовых идей по устранению проблем судебной системы, для предотвращения крайностей и прежних ошибок. История развития отечественной судебной системы показывает, что подавляющее большинство идей права, составляющих основную линию преобразований, уже существовали ранее и привели к определенным результатам, которые вынудили отказаться от такой политики и перейти к другой, которая, в свою очередь, порождает новые трудности. Принять вывод, что предложенная законодателем новация не является таковой по сути, трудно, поскольку почти никто не хочет осознавать, что повторяется. Между тем, причинно-следственные связи должны учитываться.

В заключение отметим, что значимость предложенной теории диалектического развития отечественной судебной системы и выявленные закономерности трудно переоценить для дальнейшего стабильного развития России и судьбы судебной системы. Благодаря историческому анализу и сопоставлению некоторых правовых моделей регулирования функционирования высшего судебного органа и иерархии судебной системы прошлого и настоящего позволили описать глобальные процессы, имеющие схожую динамику и причинно-следственную связь идей права и полученных проблем теории и практики.

Данная работа предлагает читателю новый взгляд на происходящие процессы в судебной системе, открывает путь для

понимания кризиса судебной системы, который для творцов ее реформ наступил неожиданно и стремительно меняет качество правосудия.

Глава i
Судебная система России

§ 1.1. История возникновения и развития отечественной судебной системы

Из философии и социологии мы знаем, что общество развивается по спирали. Очевидно, что и общественные институты претерпевают те же изменения, нанося свой оттиск на материю права. Поэтому обращение к изучению памятников права – это не только следование научной традиции познания истинной природы вещей, но и способ наглядно продемонстрировать поступательную повторяющуюся изменчивость отечественной судебной системы, ее закономерности и причины, движущие по спирали. Познание циклического развития и выявление факторов, оказывающих влияние на движение по спирали, позволит прогнозировать динамическое развитие отечественной судебной системы и принимать адекватные и своевременные меры, направленные на уравновешивание системы.

Суд как орган власти обладает исключительной компетенцией по рассмотрению и разрешению правовых споров (дел), а судебная система, имеющая сложную иерархию, обеспечивает правосудность судебного акта внутренним правовым механизмом пересмотра и проверки правосудности судебных актов. Уделяя внимание праву осуществления правосудия и правовому механизму исправления судебных ошибок, проследим за иерархией судебной системы: за полномочием окончательного разрешения дела и за обеспечением задач правосудия как проявлением (государственной) власти.

Однако исследование осуществления правосудия государственными органами власти без анализа правовой природы возникновения таких полномочий и порядка их осуществления не позволило бы в полной мере постичь истинность правовых явлений и сделать верные выводы. Поэтому обратим наше внимание на истоки правосудия.

В связи с этим, отправной точкой эволюции отечественной судебной системы можно считать народное вече. Это был единственный орган, разрешающий споры в обществе на основе обычаев и норм морали. Как отмечал Ю. Готье, «право в глазах человека древности было одновременно и высшей правдой, справедливостью», поэтому «всякий раз, когда он апеллировал к праву, он в то же время апеллировал и к богам, и к живой совести «добрьж мужей» и «старцев», стерегущих и вещающих перед лицом народа священную «правду» незапамятных времен»[3]. Как

правило, решения, принятые на вече, олицетворяли собой единодушие членов общества с результатом разрешения спора и не подлежали пересмотру, поскольку это входило бы в противоречие с нравами и религией. Как утверждал Б.И. Сыромятников, слово «суд» тогда было тождественно слову «правда»[4].

Однако по мере социального расслоения и расселения населения по территории право отделялось от норм морали и религии, формализуясь в отдельные институты, а рассмотрение споров общим сходом народа уже представлялось затруднительным. Поэтому для решения текущих дел формируются первые судебные органы, а за вечем сохраняется право рассмотрения вопросов, которые касаются всех. Намечается тенденция делегирования полномочия осуществления правосудия князю. Но личное осуществление им правосудия ввиду занятости и обширности владений было затруднительным, поэтому князь передает свое право другим лицам (посадники, туины, наместники). Поэтому наравне с судом князя действовал суд владельческий – наместников (бояр) и волостителей. Поскольку они содержались (кормились) населением на вверенной им территории и князем за счет его военных трофеев, то для рассмотрения дела судом жалобщику надо было наряду с челобитной принести судье подать. С вверением князю и его поверенным людям осуществления правосудия, суд стал для них источником постоянного дохода, поэтому судьи были заинтересованы в рассмотрении ими любого спора. Решение по спору было окончательным и не подлежало оспариванию.

Усиление влияния бояр на местах обусловило появление двух центров власти в каждом княжестве.

В период нашествия Золотой Орды право сбора податей с населения княжества делегировалось князю. Политическая и военная поддержка (ярлык) князя со стороны монголов обеспечило ему титул Великого. По мере утраты Золотой Ордой влияния на удельные княжества последние приобретали относительную независимость, и князья стремились сохранить за собой власть и судебные полномочия, приносящие постоянный доход их казне. Поскольку суд князя распространялся лишь на его земли, то наметилась тенденция к централизации власти посредством оммажа и покупки уделов. В тоже время на землях вотчины, боярщины и церкви осуществляли суд их собственники, что нашло отражение в судебных грамотах[5]. Как указывал Б.И. Сыромятников, в этот исторический период суд «сделался предикатом земельной собственности»[6]. Распространение власти князя на земли подкреплялось грамотами,

устанавливающими в том числе его судебные полномочия. Так, в 1397 г. в уставной Двинской грамоте Великий князь Василий Дмитриевич, стремясь ограничить произвол и хищения наместников-бояр, установил правило обращения к нему населения с жалобами на судей. Грамота обязывала князя своевременно рассмотреть такую челобитную[7]. Одновременно вводилась санкция для судей, уклоняющихся от разбирательства жалоб[8]. Аналогичные положения воспроизводились в Белозерской грамоте (статьи 20 и 23). Грамоты возвысили суд князя над иными судами и наметили тенденцию к инстанционному порядку рассмотрения дела. Споры рассматривались уже в двух инстанциях: в качестве суда первой инстанции выступали наместники и волостители, а судом второй и последней инстанции был князь (за исключением споров «торговых людей», которые разрешались только судом князя в качестве суда первой и единственной инстанции). Однако рассмотрение дела в двух инстанциях было не на постоянной основе, а являлось исключением из общего правила. Поводом к передаче дела являлись также обращения спорящих сторон, а также судей в случаях невозможности разрешения дела в силу противоречий в законе либо наличия пробелов в праве. Как указывал Л.В. Черепин, институт «доклада» в Русском государстве XV–XVI в. был «своеобразной формой надзора над осуществлением правильности отправления правосудия, сосредоточивавшегося в руках великих князей или уполномоченных ими лиц»[9]. Тандем наместника и князя сохранялся вплоть до образования московского княжества.

Созданию централизованного государственного (судебного) аппарата послужил пересмотр Иваном III судных грамот Новгорода, Пскова и других удельных княжеств. Издание Судебника 1497 г. «князем Великим Иваном Васильевичем Всея Руси»[10]свидетельствует об утрате независимости судебных учреждений удельных земель и возвышении московского князя как высшей судебной инстанции на Руси, а также об утрате вече права рассмотрения дел. Поэтому этот момент можно считать возникновением государственного суда, поскольку осуществление правосудия окончательно переходит сюзеренам, а последнее слово в разрешении спора – суверену, правовое регулирование рассмотрения дел уже считается сферой публичных интересов обеспечения стабильности власти. Сочетание в одном органе власти административных, судебных и законодательных функций, централизация и бюрократизация государственной власти создавали предпосылки для упрочнения властеотношений, как основы управления государственными делами, в том числе

судебными. С объединением удельных княжеств под началом московского князя произошло значительное укрупнение государства и как следствие усложнение судебной системы, которая уже состояла из трех звеньев: наместника как суда первой инстанции, приказного суда, боярской думы или суда князя в качестве высшей судебной инстанции. Судебник санкционировал выработанный к тому периоду пересмотр дел князем как высшей судебной инстанцией. При этом высший суд рассматривал жалобу по существу, являясь, по сути, судом апелляционной инстанции[11]. Впервые устанавливалось положение, предусматривающее основание для направления дела в высшую судебную инстанцию: если «жалобника а непригоже управити»[12], то есть в случае возникновения необходимости устранения неясности или восполнения неполноты закона. Допускались обращения как самих судей «сказати великому князю», так и сторон по делу «или к тому его послати»[13]. При этом Судебник не допускал пересмотр всех дел: дела по спорам о земле и дела, цена иска которых была менее одного рубля не подлежали пересмотру[14], что свидетельствует о стремлении, во-первых, не допустить пересмотр права собственности на земли и, соответственно, перераспределение власти, а во-вторых, сократить число обращений к князю. Князь выступал в качестве высшей судебной инстанции, но вместе с тем являлся главой законодательной власти, восполнял пробелы в праве, выявленные в процессе, и давал аутентичное толкование закона, формируя судебную практику. Для принятия прошений в адрес государя был учрежден Челобитный приказ.

В Судебнике 1550 года воспроизводятся правила обращения к князю по судебным делам, которые дополняются указанием на соблюдение последовательности обращений в судебные инстанции. Впервые вводилась санкция в виде тюремного заключения для жалобщика, в случае если он обращался не по существу спора либо подавал немотивированные жалобы: «не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, локучати государю», то «вкинути в тюрьму»[15], что свидетельствует о тягостях князя самому вникать в суть дела и рассматривать судебные споры.

Окончательное формирование инстанционного порядка рассмотрения дел завершилось в XVI веке с принятием Земским Собором Уложения, в котором были кодифицированы все ранее изданные судебники, указные книги приказов, царских указов и думских приговоров, решения Земских соборов. Дифференциация общества способствовала созданию специализированных судов для каждого сословия «служивых», «пашенных», «торговых людей»

и «государевых богомольцев», что, в свою очередь, обусловило становление института подведомственности и подсудности. Детализируется порядок пересмотра судебных решений. Уложение закрепило условие приемлемости жалобы на судебное решение, согласно которому прошение о пересмотре дела подается непосредственно в суд, его вынесший, «в каком приказе ведом», «а не бив челом в приказе, ни о каких делах государю челобитен не подавати»[16]. Лишь в случае невозможности разрешения дела в приказе, оно направлялось на доклад государю или уполномоченным им лицам «и к его государевым бояром и околничим и думным людем»[17]. Таким образом, устанавливался порядок последовательного обжалования решения суда, предусматривающего запрет непосредственного обращения населения с жалобами на судебные решения к главе государства, минуя обычные судебные инстанции. Пересмотр дел осуществлялся коллегиально в случае неправосудного решения или в случае пробелов или противоречий в праве «вершити будет не мощно, и в том деле дати суд 3 головы». При этом рассмотрение дела заново осуществлялось в пределах первоначальных требований и оснований иска, новые доводы оставлялись судом без внимания[18]. Жалобы докладывались непосредственно государю только в случае затруднений в разрешении дела нижестоящей судебной инстанцией или ее отказа в правосудии, или же в случае несправедливости решения. Суд бояр эволюционирует в судебную коллегию. Намечается тенденция делегирования государем части своих полномочий осуществления правосудия.

Указом от 22 февраля 1711 года Петр I учреждает Правительствующий Сенат как чрезвычайный орган «для управления» государственными делами в случае «отлучек Наших»[19]. Позднее уточняется его компетенция, к которой относятся судебная и организационно-судебная деятельность, финансовый и налоговый контроль, внешнеторговые и кредитные полномочия[20]. С учреждением Правительствующего Сената количество судебных инстанций возросло с трех до четырех: ландрихтеры, надворные суды, Сенат в лице коллегии и общего собрания[21], монарха как высшей инстанции; а для «торговых людей» – до трех судебных инстанций. Вводятся единые правила судопроизводства[22], кодифицируется законодательство. Устанавливается порядок ревизии дел после апелляционного рассмотрения, в случае несогласия стороны по делу с постановленным судом решением. Проверка правосудности судебных актов осуществлялась в пределах доводов жалоб. Император выступал в роли судьи лишь по политическим делам и

в качестве апелляционной инстанции по отношению к решениям Сената. Указом от 27 апреля 1722 года «О должности Сената» устанавливался порядок подачи обращений, согласно которому жалобы «за неправый суд» подавались рекетмейстеру или в коллегию Сената, к компетенции которой относится конкретный спор[23]. К каждому делу канцелярия составляла краткую выписку, по которой дело докладывалось государю, а случае его отсутствия – Сенату. При ревизии дела каждый сенатор мог высказать свое мнение, которое заносилось секретарем в протокол заседания и подписывалось ими. В случаях сложности дела или срочности допускалось рассмотрение одного дела до трех часов. Решение ставилось на голосование. С учреждением в 1722 году прокуратуры[24] круг лиц, наделенных правом обжаловать судебные решения, в том числе Сената, расширился.

Впоследствии создание Верховного тайного совета в 1726 году увеличило количество судебных инстанций до пяти и четырех соответственно. Изменился порядок направления жалоб на судебные акты, которые направлялись непосредственно в Сенат. В период постоянных смут и народных волнений возникла необходимость непосредственного разрешения дел сувереном при участии ему приближенных лиц. Однако этот порядок просуществовал недолго. После упразднения Верховного тайного совета жалобы снова адресовались государю, которого уже тяготило их непосредственное рассмотрение. Свидетельством этого является установленная система наказания кверулянтов, согласно которой за игнорирование порядка подачи жалоб в учрежденные судебные инстанции и обращение непосредственно к государю в первый раз каралось каторгой в течении месяца, второй раз – публично отсылали на годовую каторгу, а третий раз – публичное наказание плетьми и ссылкой на каторгу навечно «в Нерчинск, с зачетом крепостным помещикам их в рекруты»[25].

С изменением административного деления государства в 1775 году реформируется и судебная система, которая уже состоит из шести инстанций: уездный суд в качестве суда первой инстанции, земский суд, палаты губернского суда, Сенат в лице коллегий и общего собрания, император как высшая инстанция. В губерниях палаты проверяли решения по уголовным и гражданским делам в апелляционном и ревизионном порядке. Ревизия отличалась от апелляции тем, что дела рассматривались с точки зрения соблюдения установленных законом форм и порядков судопроизводства, а по уголовным делам еще и «для оправдания невинности, столь для приведения в ясность преступления, или для обличения преступника»[26]. Впервые устанавливается срок для принесения жалоб, который был равен

одной неделе. Вместе с жалобой подлежала уплате госпошлина. Основанием ревизионной проверки решения суда служило его несоответствие законам и регламентам, т. е. нарушение норм материального и процессуального права. Прокуроры и губернаторы также наделялись правом опротестования судебных решений. Учреждение палат губернского суда децентрализовало судебный контроль. Противоречивая судебная практика и медлительность движения дел в судах вызывали недовольство общества, и как следствие – отрицание им такой организации судебной системы.

Для лучшего управления государственными делами учреждаются 8 министерств, в числе которых Министерство юстиции[27]. В его компетенцию входило право надзора за правильностью разрешения споров и движением дел в судах, составление статистических и аналитических отчетов, содержащих причины динамики роста дел. В результате этого преобразования прокуроры вошли в систему органов юстиции, а министр юстиции одновременно являлся Генерал-прокурором. Принятые государством меры не улучшили ситуацию в судах, а способствовали лишь уяснению причин нарушения закона и судебной волокиты. Поэтому через четверть века снова меняется порядок направления донесений о нарушении законов империи и жалобы на судебные постановления с упразднением Особенной канцелярии Министерства внутренних дел и учреждением «Собственная Моя Канцелярия»[28]. Правом обращения в Канцелярию обладали лица, участвующие в деле, и их представители. Предусматривались требования к форме и содержанию жалобы. Основаниями к оставлению без движения жалобы, помимо несоблюдения ее формы и содержания, было истечение установленного указом срока обращения, а также «писанные безпорядочно или безсмысленно, на клочках бумаги или с неприличными выражениями»[29]. Для исправления выявленных недостатков прошений назначался срок, который не мог превышать одного месяца. Надлежаще оформленные жалобы направлялись в Особое Государственное Присутствие для предварительного рассмотрения[30].

Несмотря на то, что главой государства уделялось внимание вопросам надлежащего осуществления правосудия, принимаемые им меры не были достаточно эффективны. Они напротив, порождали еще большие трудности. Так, например, Манифестом «о всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта» от 18 февраля 1861 года приветствовалось создание в каждой губернии и уезде Мировых Посредников и Мировых

Съездов для рассмотрения на местах споров в связи с исполнением нового Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости[31]. Однако их создание на местах не было повсеместным и стремительным, что обманывало ожидания общества в сникании справедливого правосудия более быстрым и простым способом.

В 1864 году был введен институт мировых судей, что повлияло на количество судебных инстанций, которое возросло до семи: мировые судьи, съезды мировых судей, уездные суды, палаты губернского суда, Сенат в лице кассационных департаментов и общего собрания, император как высшая судебная инстанция. Принимаются процессуальные кодексы[32], регламентирующие в том числе апелляцию, кассацию и пересмотр судебных актов. При этом рассмотрение дела по существу допускалось лишь в двух инстанциях (в суде первой и апелляционной инстанций). Сенат не рассматривал дела по существу, а наблюдал «за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями Империи»[33], и осуществлял, по сути, также функции конституционного суда[34]. Уставы (гражданского и уголовного) судопроизводства предусматривали виды просьб об отмене решения суда: о кассации, пересмотре решения[35], а просьбы не участвующих в деле лиц были знакомы лишь гражданскому процессу. Основанием к отмене решения (приговора) суда в кассационном порядке являлось явное нарушение смысла закона или неправильного его толкования, несоблюдение подведомственности рассмотрения спора. Поводом для пересмотра судебного решения являлось обращение сторон по делу либо протест прокурора. Пределы проверки были ограничены доводами кассационных жалоб (протестов). Отличия реформенного суда от прежнего заключались в том, что упразднялась сословная подсудность дел вместе с соответствующими судебными инстанциями, а судебный процесс строился на демократических принципах: равенство и состязательность сторон, устность, непосредственность, гласность и право на защиту.

Однако нарастающие революционные настроения в обществе и практика мировых судей, которая складывалась не в пользу сюзеренов, обусловили проведение властями контрреформы уже через 7 лет после ее начала. В число ее мер вошли ограничение демократических институтов судопроизводства: независимости и несменяемости судей, гласности и состязательности процесса, рассмотрение уголовных дел присяжными заседателями, а также ограничение права подсудимого на защиту, изменение порядка

расследования и рассмотрения политических дел, почти сведена на нет компетенция мировой юстиции[36]. Значительный рост количества политических дел привел к изменению правил их подсудности, которые теперь передавались судебным палатам губернского суда от Сената, с которыми последний не справлялся[37]. Создание специального верховного суда по уголовным делам в 1878 году окончательно нивелировало достижение реформенного суда, равного для всех.

Массовое недовольство медлительностью осуществления правосудия и его качеством, множественностью судебных инстанций снова привело к отрицанию обществом такой судебной системы. Воплощением общественных настроений того периода можно считать «Революционный катехизис русского эмигранта» М. Бакунина[38]. Критикуя новый подход к решению имеющихся проблем, В.П. Безобразов писал, что в «самых «передовых» (?) современных революционных учений, прямо и буквально заявлено, что «истинный революционер должен отказаться от всякой науки нынешнего мира, предоставить ее будущим поколениям. Он должен знать только одну науку разрушения. <…> Конечно, нельзя себе вообразить, чтоб какая бы то ни была человеческая мысль могла дойти до более крайнего самоотрицания. ужасен этот умственный хаос в понятиях, нельзя однако не радоваться, когда зло в человеческом обществе достигает последней ступени логического абсурда, когда оно доходит до подобного самоотрицания или внутреннего противоречия. Эту неизбежную логическую и историческую последовательность революционных движений, разлучившихся с успехами наших наук в самом ее существе, – можно только приветствовать как добрый признак времени, как предвестие может быть близкого криза в недугах нашего времени»[39]. Его слова как нельзя точно отражают нарождающуюся тенденцию отрицания существующей системы государственного управления, в том числе судебной системы. Учитывая то, что они были изложены за тридцать восемь лет до полного крушения государственной системы органов власти, можно утверждать, что философия разрушения самодержавного уклада управления государственными делами прочно вошла в сознание революционеров и позиционировалась ими как новая идеология.

Свидетельством этого может служить Декрет Совета Народных Комиссаров от 24 ноября 1917 года № 1 «О суде», которым упраздняются все существующие судебные установления. Вместо упраздненных судебных учреждений осуществляют правосудие выборные из народа судьи, которые разрешают правовые споры не на основе законов, а на основе

«революционной совести»[40].

Здесь следует остановиться в изложении истории эволюции отечественной судебной системы, поскольку мы подошли к исходной точке – вече. Разумеется, на новом витке спирали этот орган уже именовался революционным трибуналом или местным судом, который разрешал правовые споры на основе норм морали и революционного сознания, а не формального права.

В условиях отсутствия согласованного законодательства и единой системы судов, а также в большинстве случаев отсутствия образования, в том числе юридического у судей, порождалась противоречивая судебная практика. По сути, повсеместно творился произвол, поскольку каждый судил исходил из своего представления о революционной справедливости. Отличие этих судебных решений от вечевых заключалось в том, что у населения отсутствовало единодушие с результатом рассмотрения дела. Отрицание буржуазного права и основ государственного устройства, в том числе судебной системы, привело к отрицанию вновь созданного суда, что предопределило движение по новому витку развития.

Многочисленные жалобы населения на судебный произвол привели к тому, что уже через полгода идеологами революции принимается решение об учреждении кассационных судов и органа Верховного судебного контроля, которые должны были формировать единообразную кассационную практику и предлагать законодательным органам принимать новые законы в случае «обнаружения неустранимого противоречия между действующим законом и народным правосознанием»[41]. Однако Верховный судебный контроль так и не был создан. Вновь созданные суды кассационной инстанции рассматривали дела как по доводам жалобы, так и в полном объеме. Основаниями к отмене судебных решений в кассационном порядке было нарушение закона, а также если кассационная инстанция признает, что «обжалованное решение явно несправедливо». Однако учреждение двухзвенной судебной системы не могло исправить положение повсеместного судебного произвола, поскольку кассационные суды были децентрализованы, что, в конечном счете, предопределило централизацию судебной системы. Как ни парадоксально, но революционным законодателем, по сути, частично воспроизводится прежняя правовая модель исправления судебных ошибок. Наименование вышестоящего суда кассационным также не случайно, поскольку в памяти людей еще сохранилось представление об обеспечении качества правосудия буржуазной кассационной инстанцией.

Декретом от 10 марта 1921 года в целях «установления

правильного и единообразного применения всеми судебными органами законов РСФСР и соответствия их деятельности с общим направлением политики Рабоче-крестьянского Правительства» на Народный комиссариат юстиции (далее – НКЮ) возлагается право проверки вступивших в законную силу решений и право дачи руководящих разъяснений всем судебным органам «по действующему советскому праву»[42]. При этом дача «руководящих указаний судебным учреждениям по вопросам судебной практики осуществляется Народным Комиссариатом Юстиции через Верховный Суд»[43]. Возложение надзора за справедливостью судебных решений на несудебный орган власти, по сути, воспроизвело феодальную модель организации власти, сочетавшую законодательную, исполнительную и судебную власть. Этот функциональный симбиоз оказал мощное влияние на методы проверки судебных решений и ее процедуру. Наравне с НКЮ правом возбуждения надзорного производства обладали центральные и областные органы власти, губернские исполнительные комитеты Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Допускались ходатайства от местных учреждений, организаций, должностных и частных лиц, которые подавались в губернский отдел юстиции либо непосредственно в НКЮ. Однако отдел высшего судебного контроля принимал такие обращения лишь после получения заключения коллегии соответствующего губернского отдела юстиции. Основанием к отмене судебных решений и приговоров в порядке судебного надзора служили «явные нарушения или неприменение узаконений Советской власти; принятым судебным органом к своему производству дел, не подлежащих судебному разбирательству; явное противоречие решения или приговора руководящим началам советского законодательства и общей политике рабоче-крестьянского правительства»[44]. С учреждением прокуратуры в 1922 году расширился круг лиц, обладающих правом начать проверку судебных решений в кассационном и надзорном порядке[45].

Сопоставляя установленный порядок подачи жалоб на неправосудные решения и их проверку с прежними процедурами, можно сделать вывод, что он схож с моделью московского княжества в части подачи процессуальных обращений в специально учрежденный орган, который, в свою очередь, доносит их до высшего органа власти в государстве. Таким образом, как не отрицали революционеры идеологически чуждые буржуазные правовые институты, они почти воссоздали устаревшую модель общения населения с властью по вопросам судебной защиты через бюрократический фильтр. Кроме того, из

сферы судебной компетенции были исключены споры между организациями, которые рассматривались арбитражными комиссиями вплоть до 1992 года, а также некоторые правонарушения, которые рассматривались милицейскими «тройками» и «тройками» НКВД до Великой отечественной войны.

Интервенция и гражданская война обусловили создание союзного государства, это повлекло укрупнение и усложнение государственного аппарата управления, в том числе судебной системы. В 1922 году образован Верховный Суд РСФСР, на который возлагалось осуществление надзора над всеми судебными органами.

Следует отметить, что данная идея ставилась современниками под серьезное сомнение, поскольку в ту пору считалось, что формирование единства судебной практики и приведение судебных решений в соответствие с советскими законами является функцией управления, поэтому вверение судебного надзора за всеми судебными местами означало «не только принципиальное смешение функций двух ныне раздельно действующих органов, но и прямой подрыв принципа приоритета НКЮ как органа правительства, руководящего судами и отвечающего за судебную политику»[46]. Такая точка зрения многое объясняет, например, почему административный порядок проверки законности судебных решений, вступивших в законную силу, санкционировался в процессуальных кодексах того времени.

Воспроизведение административной процедуры проверки судебных актов в порядке надзора в УПК РСФСР[47] и ГПК РСФСР[48] предопределило особенности производства в суде надзорной инстанции. К их числу следует отнести: исключительное право должностных лиц суда и прокуратуры начать проверку в порядке надзора, их дискреционные полномочия по распоряжению судьбой надзорного протеста, существенное ограничение демократических принципов судопроизводства (диспозитивности, состязательности, и равноправия сторон, гласности), право на защиту. Ограничение принципов судопроизводства заключалось в том, что производство в суде надзорной инстанции начиналось и прекращалось помимо воли сторон по делу, им не направлялись копии протестов, а дело проверялось без их участия. Закрепление централизованного порядка проверки вступивших в законную силу судебных решений по протестам должностных лиц суда и прокуратуры в процессуальных кодексах призвано было обеспечить законность и единство судебной практики. Вводился пресекательный срок, в течение которого можно было проверить вступившее в законную силу судебное постановление (приговор).

Основаниями для отмены решения суда в порядке надзора в гражданском процессе были «особенно существенные нарушения действующих законов или явные нарушения интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс»[49], а в уголовном процессе – основания к отмене в кассационном порядке, что, по сути, дублировало кассационную инстанцию, но на более высоком уровне. При этом кассационная инстанция губернского суда проверяла законность судебного акта, и в случае выявления нарушения направляла дело в порядке надзора в Верховный Суд РСФСР (ст. 403 УПК РСФСР, гл. 28 ГПК РФСР), в котором оно таким же образом проверялось и могло дойти до должностных лиц, обладающих правом принесения протеста. Право давать разъяснения принадлежало Пленуму Верховного Суда[50].

Впоследствии круг должностных лиц полномочных приносить протест на вступившие в законную силу судебные акты расширяется делегированием этого права сначала Председателю Верховного Суда РСФСР и его заместителю, прокурору республики и его помощнику при Верховном Суде РСФСР[51], а затем – Народному комиссариату юстиции, прокурору республики, области, края и округа[52]. Также децентрализуется судебный контроль: президиум областного и соответствующего ему суда[53]наделяется полномочием вынесения нового решения по делу.

С организацией Прокуратуры СССР в 1934 году, расширением функций Верховного Суда СССР и образованием в нем Судебно-надзорной коллегии расширился круг лиц, обладающих правом принесения протеста, а также увеличилось число судебно-надзорных инстанций с трех до пяти соответственно. Правом рассмотрения протеста наделялись Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР и Пленум Верховного Суда СССР.

16 августа 1938 года Законом о судоустройстве СССР[54] право принесения протеста в порядке надзора предоставлялось лишь Председателю Верховного Суда СССР и председателям верховных судов союзных республик, Прокурору СССР и прокурорам союзных республик. При сохранении круга надзорных инстанций ограничивались полномочия прокурора края, области и района, а также председателей окружных, областных и краевых судов. Эти лица могли лишь истребовать дело, для окончательного решения вопроса о наличии оснований принесения протеста вносили представление уполномоченным на то лицам. Министерство юстиции и его местные органы также

могли обращаться с представлением к Председателю Верховного Суда СССР или к председателю верховного суда союзной республики и должностным лицам Прокуратуры СССР.

Этот период развития отечественной судебной системы схож с периодом дореформенного суда, когда на проблемы чрезмерной загруженности судов, медлительности процесса и судебные ошибки государство отреагировало введением новых органов юстиции, которые по замыслу власти должны были устранять имеющиеся затруднения. При увеличении количества должностных лиц, которые могут инициировать проверку законности судебных актов, таким правом не обладали лица, участвующие в деле, что частично повторяет предыдущей этап развития механизма исправления судебных ошибок и формирования единства судебной практики. Таким образом, возрастание количества судебных инстанций и круга лиц несудебных органов, которые могли инициировать проверку законности судебных актов, рассматривалось и рассматривается как традиция права.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 года «Об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» были внесены изменения в иерархию судебного надзора, судебный контроль был децентрализован[55], и, как следствие, произошло количество судебных инстанций выросло с пяти до шести.

В дальнейшем своем развитии в УПК РСФСР[56] и ГПК РСФСР[57] механизм проверки исправления судебных ошибок не претерпел принципиальных изменений, за исключением формулировки оснований к отмене судебных постановлений и упразднения процессуального срока для обжалования судебных актов в порядке надзора. Регламентация надзорного производства, призванного обеспечивать исправление судебных ошибок и законность на территории страны, дополняется рядом положений, регулирующих вопросы принесения протеста и его отзыва, порядка рассмотрения протеста, полномочий суда надзорной инстанции и обязательности его указаний. Вводились положения о сообщении мотивов отказа лицу, подавшему жалобу, в случае отсутствия оснований к принесению протеста в порядке надзора и о направлении копий протестов, принесенных по делу, и извещении о времени и месте его рассмотрения заинтересованным лицам. Как видно, происходит постепенное возвращение в правовое регулирование демократических принципов судопроизводства на этой стадии процесса при полной их реализации в двух нижестоящих судебных инстанциях. При

этом указание на руководящий характер разъяснений Верховного Суда сохраняется и в Законе о судоустройстве РСФСР[58]. Именно руководство судами по соблюдению законности и формированию единства судебной практики было и оставалось одной из задач высшего судебного органа.

С принятием Концепции судебной реформы[59] и Конституции Российской Федерации 1993 года[60] происходят кардинальные перемены в структуре судебной системы: учреждаются Конституционный Суд Российской Федерации[61] и конституционные суды субъектов Российской Федерации[62], проверяющие на соответствие Конституции России и конституций субъектов Российской Федерации соответственно принимаемых нормативных правовых актов, а также арбитражные суды[63], в компетенцию которых входит рассмотрение гражданских дел субъектов экономической деятельности и осуществление нормоконтроля в сфере регулирования бизнеса. Для регламентации судебного процесса в вновь созданных судах законодателем принимаются соответствующие нормативные правовые акты[64].

В результате этих преобразований судебной системы гражданские дела рассматривались и рассматриваются в двух параллельных судебных системах: в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. При этом в иерархии судов общей юрисдикции функционировало 6 судебных инстанций (районный суд в качестве суда первой инстанции, кассационная инстанция и 3 надзорные инстанции в лице президиума верховного суда области и соответствующего ему суда, Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР и Президиума Верховного Суда РСФСР), но фактически надзорных инстанций было больше, поскольку правом принесения протеста на вступивший в законную силу судебный акт обладал Прокурор РСФСР, Председатель Верховного Суда РСФСР и его заместители. Поэтому надзорную жалобу можно было подавать кратно количеству этих должностных лиц. В системе арбитражных судов было 3 судебных инстанции (суд первой инстанции, кассационный суд и Высший Арбитражный Суд России в качестве высшего органа судебного контроля, осуществляющего проверку в коллегиальном составе).

Уголовные дела рассматривались судами общей юрисдикции также в 6 инстанциях, поэтому ситуация с множественностью судебных инстанций была схожей.

Дела об административных правонарушениях рассматривали несудебные и судебные органы власти, и, соответственно, постановления по делам об административных правонарушениях могли быть проверены лишь в одной судебной инстанции[65].

На этом фоне децентрализуется право дачи разъяснений нижестоящим судам по вопросам судебной практики, а именно им обладает Верховный Суд России и Высший Арбитражный Суд России. Конституционный Суд России дает толкование лишь положений Конституции России.

С учреждением мировой юстиции в системе судов общей юрисдикции в 1998 году и введения апелляционного производства в 2000 году количество судебных инстанций в системе судов общей юрисдикции возросло до 8: мировой судья, районный суд как суд апелляционной инстанции, областной и соответствующий ему суд в качестве кассационной и надзорной инстанции, председатель областного и соответствующего ему суда, Верховный Суд России в лице Судебной коллегии, Президиума, Председателя и его заместителей.

В арбитражных судах учреждается апелляционная инстанция и количество судебных инстанций возрастает до 4.

Множественность судебных инстанций, неоднократность проверки судебных актов и ее медлительность в системе судов общей юрисдикции, которая могла длиться годами, вызывала критику не только со стороны населения, но и со стороны наднациональных органов. Так, Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) вынес ряд постановлений[66], в которых констатировал нарушение статьи 6 Конвенции, а Комитет Министров Совета Европы (далее – Комитет) дал рекомендации Резолюциях ResDH (2005/20) от 5 октября 2005 года и ResDH (2006)1 от 8 февраля 2006 года по совершенствованию процессуального законодательства.

В 2002 году обновляется процессуальное законодательство, согласно которому гражданские дела, подведомственные судам общей юрисдикции, рассматриваются в 9 судебных инстанциях[67], а подведомственные арбитражным судам – в четырех[68]; уголовные дела – в девяти[69], дела об административных правонарушениях – в трех[70]. Система проверки законности судебных актов состоит из апелляционного, кассационного и надзорного порядков. Отличие установленного порядка рассмотрения надзорных жалоб на вступившие в законную силу судебные акты судов общей юрисдикции от прежнего заключалось в том, что был санкционирован наработанный практикой алгоритм изучения надзорных жалоб (представлений прокурора) судьями судов надзорных инстанций «по поручению» все тех же должностных лиц суда надзорной инстанции. Также вводился годичный срок, в течение которого можно было обратиться с соответствующей просьбой. Вследствие этого количество надзорных инстанций в гражданском и

уголовном процессе возросло до 12, поскольку должностные лица суда каждой надзорной инстанции вправе «не согласиться» с «отказными» определениями судей, выносимыми по результату изучения надзорной жалобы (представления прокурора) и истребованного дела. Основаниями для отмены или изменения судебных актов в порядке надзора были существенные нарушения права. При этом ГПК РФ не давал расшифровки, что понимается под существенностью нарушения закона, тем самым отдавая решение этого вопроса на усмотрение суда надзорной инстанции. Президиум Верховного Суда России обеспечивает единство судебной практики через рассмотрение «мотивированных представлений о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора» должностных лиц этого суда (статья 389 ГПК РФ). Аналогичный порядок проверки законности был установлен и в отношении приговоров, а количество надзорных инстанций по отношению к количеству судов, разрешающих дело по существу, было также беспрецедентным.

В 2007 году вносятся изменения в порядок проверки вступивших в законную силу судебных актов судов общей юрисдикции: сокращается процессуальный срок на обращение в суд надзорной инстанции с одного года до шести месяцев, а также сокращается количество судебных инстанций до 5, а именно упраздняется право должностных лиц судов надзорной инстанции «не согласиться» с «отказными» определениями судей[71]. Однако это не устранило чрезмерную медлительность, многократность надзорной проверки и нарушение принципа правовой определенности.

В 2010 году произошла децентрализация судебного контроля: упраздняется возможность обжалования вступивших в законную силу судебных актов мировых судей в Верховный Суд России и переименование надзорного производства в кассационное, а прежняя кассационная инстанция стала называться апелляционной[72]. По сути, принципиально ничего не меняя в проверке вступивших в законную силу судебных актов в гражданском процессе, законодатель попытался привести систему судебного контроля в судах общей юрисдикции к знаменателю числа проверяющих судебных инстанций в системе арбитражных судов. Однако такое преобразование не привело к желаемому результату, поскольку численность судебных инстанций в системе судов общей юрисдикции и в системе арбитражных судов разная, а также разные основания для отмены или изменения судебных актов в апелляционном и кассационном порядках, что не позволило создать единый уровень процессуальных гарантий судебной защиты субъектов экономической деятельности и

населения. Это, в свою очередь, повлекло внесение научно обоснованных предложений по устранению «новых» проблем после очередного «совершенствования» процессуального законодательства[73]. Аналогичные процессы по децентрализации произошли в уголовном процессе[74].

Децентрализация надзорной проверки произошла и по делам об административных правонарушениях посредством наделения правом Судебной коллегии Верховного Суда России рассматривать надзорные жалобы (представления прокурора). Однако эта децентрализация судебного контроля обусловлена тем, что изначально Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях правом проверки вступивших в законную силу судебных актов наделялись лишь должностные лица судов надзорных инстанций, которым было затруднительно справляться с нагрузкой. Особенно она ощущалась в Верховном Суде, где Председатель и его заместители (а в действительности лишь один заместитель) рассматривали жалобы на постановления по делам об административных правонарушениях со всей страны. По этой же причине ответственность за формирование судебной практики по административным делам была очень велика, поскольку формировалась единолично. Однако это бремя было разделено с Судебной коллегией Верховного Суда уже в 2011 году[75].

В завершение исследования истории возникновения и развития отечественной судебной системы остановимся на Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»[76], которым упраздняется Высший Арбитражный Суд России вместе с надзорной инстанцией, действовавшей в нем. Как отмечает Г.Т. Ермошин, реализация этих изменений «потребует отмены, изменения или дополнения 28 перечисленных в пояснительной записке федеральных конституционных и федеральных законов. По сути дела, на высшем уровне руководства России заявлено, что пересмотру подлежит все законодательство о судебной власти, включая правовое регулирование судоустройства, судопроизводства, финансирования судебной власти, статуса судьи»[77]. Однако нас уверяют лишь в техническом слиянии высших судебных органов для формирования единства судебной практики[78].

Вместе с тем объединение Высшего Арбитражного Суда России и Верховного Суда России уже обусловило увеличение судебных инстанций в системе арбитражных судов: с 4 до 5 соответственно[79], поскольку Судебная коллегия Верховного

Суда России, по сути, дублирует кассационную инстанцию в системе арбитражных судов.

Изучение истории возникновения и развития отечественной судебной системы в контексте законов диалектики позволяет сделать следующие выводы.

Линией, образующей спираль, является иерархия судебной системы. При этом она как линия более низкого порядка представляет собой унификацию и дифференциацию специализации судей по рассмотрению и разрешению дел, подсудности и подведомственности споров, централизацию и децентрализацию судебного контроля, и, как следствие, перераспределение полномочий между судебными инстанциями.

Уменьшение или увеличение количества судебных инстанций происходит одновременно с изменением административно-территориального деления государства и принципов государственного управления.

В зависимости от того, какой орган власти (судебный или несудебный) возглавляет судебную систему и осуществляет проверку решений (приговоров) суда, происходит корреляция ее принципов и порядка исправления судебных ошибок.

Правовой механизм исправления судебных ошибок возникает в условиях инстанционности судебной системы и сосредотачивается в высшем органе власти государства. После разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, он функционирует только в тех судебных инстанциях, которые считаются верховными в соответствующем субъекте страны (союза, федерации). Его ретрансляция обусловлена воспроизведением особенностей государственного устройства и стремлением суверена через исправление судебной ошибки обеспечить единство судебной практики и единство правового пространства.

Таким образом, механизм исправления судебных ошибок обладает диалектическим триединством:

1) защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина;

2) формирование единства судебной практики;

3) обеспечение единства правового пространства.

Заинтересованность власти в отдельных категориях дел и субъектному составу лиц способствует установлению эффективных правил судебной защиты (например, дела «торговых людей», дела по экономическим спорам, политические дела). Отсутствие же заинтересованности государства обуславливает проблемы в правовом регулировании судебной защиты.

Внешняя и внутренняя политика государства предопределяют

правила подсудности дел, касающиеся публичного интереса, и порядок их рассмотрения, механизм исправления судебных ошибок и методы проверки судебных актов.

Обычно исследователи, проведя анализ повторяющихся объективных явлений, делают выводы об их периодизации, в основу которой положен какой-либо классифицирующий признак. Поэтому в трудах по историческим наукам периодизация обычно идет по датам знаменательных событий; в исследованиях по философским наукам – по научным школам и их влиянию на новые течения; в диссертациях по политологии – по смене политических формаций; а в работах по юридическим наукам периодизация проводится либо по институтам права у ученых, занимающихся проблемами материального права, либо по осуществлению деятельности судом у ученых, исследующих проблемы процессуального права. Каждый ученый в своей научной специальности будет прав, предложив свое видение по результату феноменологического описания эволюции отечественной судебной системы.

Однако задача автора не в том, чтоб спорить о количестве циклов, их продолжительности и датировке, а в том, чтоб через выявленные причины изменчивости механизма исправления судебных ошибок определить закономерности развития отечественной судебной системы и факторы влияния на нее, проанализировать принятые государствам меры реагирования на проблемы, чтоб использовать их в качестве индикаторов оценки состояния судебной системы для ее уравновешивания. Мы сознательно уклоняемся от построения идеальных моделей судебной системы, поскольку разделяем убеждение С. Капицы о том, что при «стремительном развитии все время увеличиваются социальные и экономические градиенты, поскольку нет времени на установление равновесия»[80]. Поэтому нет смысла в создании идеальных моделей судебной системы, так как они будут основываться на опыте прошлых лет, когда течение процессов было иным, и, вследствие этого, будут заведомо отставать от реальной действительности. На проблему устойчивости судебной системы и ее эффективности следует посмотреть с точки зрения парадокса состояния судебной системы и принимаемых государством мер реагирования на имеющиеся трудности. В связи с этим особую актуальность приобретает инструментарий оценки состояния судебной системы для правильного выбора решений, которые уравновесят судебную систему в динамике.

Судебная система с 1917 года по настоящее время повторила гипервиток своего предыдущего развития (хотя и в более сжатые сроки) и снова достигла критического значения в количестве

судебных инстанций. Сейчас она находится в точке бифуркации, и следующая стадия еще не наступила. Подтверждением этому служат предложения об упразднении судебных инстанций, учреждении единой судебной системы и прочие.

Текущий цикл связан с обеспечением единства судебной практики посредством объединения Верховного Суда России и Высшего Арбитражного Суда России. Действующая система является переходной (нестабильной).

К внешним факторам воздействия на судебную систему следует отнести внешние угрозы безопасности, смену политического режима и экономического курса, изменение методов государственного управления и административно-территориального деления страны, циклы деловой активности и инвестиционный климат.

К внутренним факторам трансформации судебной системы можно отнести: увеличение правовых споров, находящихся в производстве судов; значительную судебную нагрузку и неэффективность механизма исправления судебных ошибок; правила подсудности и подведомственности споров; множественность судебных инстанций; длительность судопроизводства и неоднократность проверки вступивших в законную силу судебных актов.

В результате влияния внешних факторов происходят структурные изменения судебной системы и изменения в правилах осуществления правосудия, в механизме исправления судебных ошибок, компетенции судебных инстанций и в качестве правосудия. Этот процесс рассматривается не как линейный, а как спиралевидный, имеющий свои закономерности и циклы.

Поступательность развития и повторение кризисов судебной системы дает основание сделать ряд теоретических и практических выводов о закономерностях ее диалектического развития: повторения, самоподобия, усложнения и упрощения, унификации и специализации и т. д. Это облегчит понимание процессов, происходящих в судебной системе и даст возможность делать прогнозы, строить планы по уравновешиванию судебной системы с целью повышения ее эффективности.

§ 1.2 Феномен судебной системы в юридической науке

В предыдущем параграфе было показано, что суд возник как подлинное народное начало разрешения споров всеми членами общества. Он долго развивался в условиях единства ветвей власти в руках суверена, обретя независимость как отдельная ветвь власти лишь недавно. Ввиду этого в юридической литературе встречается неоднозначное понимание и толкование дефиниции «судебная система». Необходимо уяснение подлинной ее природы и функций, чтоб разрешить целый ряд проблем структурного и функционального плана.

Создание в России судебной системы и принятие мер по повышению ее эффективности требует осмысления используемого понятия. Поскольку в дефиниции имеется слово «система», предполагается смещение акцента именно на эту составляющую термина «судебная система». Поэтому следует рассматривать структурные связи и совокупность элементов судебной системы с точки зрения системного анализа.

Новый энциклопедический словарь дает понятию «система» 18 определений, в числе которых «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных, взаимно связанных частей», «совокупность каких-либо элементов, единиц, частей, объединенных по общему признаку или назначению»[81].

Согласно пункту 3 статьи 118 Конституции России судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией и федеральным конституционным законом.

Однако Конституция России не определяет структуру и состав судебной системы, а лишь упоминает в отдельных своих статьях о Конституционном Суде России (статья 125), Верховном Суде России (статья 126), и[82] сферы их компетенции. Как полагает В.М. Савицкий, в действующей Конституции России «в отличие от прежней не изложен исчерпывающий перечень судебных инстанций. Это объясняется тем, что в настоящее время продолжается реформирование судебной системы, не закончена еще проработка в деталях структуры отдельные ее звеньев и отношений между ними»[83].

Структуру и состав судебной системы устанавливают федеральные конституционные законы, а именно Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об

арбитражных судах в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

Судебная система Российской Федерации является сложной многоуровневой системой, состоящей из самостоятельных систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также обособленных Конституционного Суда России и конституционных уставных судов субъектов Российской Федерации. При этом система судов общей юрисдикции состоит из районных судов, городских судов, межрайонных судов (далее – районные суды); верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области, судов автономных округов; военных судов. Система судов общей юрисдикции представляет собой совокупность не милитаризованных судов (для гражданского населения) и военных судов.

В систему арбитражных судов входят арбитражные суды первой инстанции в субъектах Российской Федерации; арбитражные апелляционные суды; арбитражные суды округов (арбитражные кассационные суды), и специализированные арбитражные суды[84]. После упразднения Высшего Арбитражного Суда России Верховный Суд России возглавляет две самостоятельные судебные системы: судов общей юрисдикции и арбитражных судов, осуществляя «в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики»[85]. Система судов общей юрисдикции и система арбитражных судов обладают иерархией судебных инстанций, которые ни по их количеству, ни по основаниям для отмены или изменения судебных актов не совпадают.

Анализ судебной системы в смысле триединства цели механизма исправления судебных ошибок выявляет необходимость повышения качества правосудия, в первую очередь, в суде первой инстанции, и его мониторинг проверяющими судебными инстанциями. Это обусловлено тем, что сначала качественные изменения в судебной практике происходят на уровне суда первой инстанции, передаваясь последовательно в проверочные судебные инстанции, и лишь затем они влияют на формирование единой правовой позиции высшего судебного органа по тому или иному вопросу

правоприменения. Основываясь на этом принципе функционирования судебной системы, можно сделать вывод о том, что приоритетной государственной задачей в области правосудия является снижение количества судебных ошибок и поиск эффективных способов их устранения. Способы их реализации будут рассмотрены во второй главе настоящей работы.

Конституционный Суд России и конституционные уставные суды субъектов Российской Федерации не обладают иерархичными связями и занимают обособленное место в судебной системе Российской Федерации. Вместе с тем осуществление деятельности конституционным уставным судом субъекта Российской Федерации предполагает анализ судебной практики иных уставных судов для выработки единого подхода по одному и тому же вопросу права для обеспечения единства правового пространства на территории России. Однако он пока не рассматривается в науке в качестве задачи.

Представленная картина судебной системы России была бы неполной, если бы мы не упомянули еще и о том, что законодательство о судебной системе предусматривает возможность создания специализированных судов в рамках системы судов общей юрисдикции, которая в настоящее время не реализована.

Законодательство о судебной системе предусматривает не только разделение по горизонтали (равные среди равных), но и дихотомию судебной системы на два уровня: федеральный и уровень субъекта Российской Федерации.

К федеральным судам отнесены Конституционный Суд России; Верховный Суд России; верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов.

К судам субъектов Российской Федерации относятся мировые судьи и конституционные (уставные) суды. Следует отметить, что в настоящее время конституционные уставные суды образованы и действуют не во всех субъектах Российской Федерации. Их создание отдано на усмотрение субъекта Российской Федерации.

На этом основании судебную систему Российской Федерации нельзя считать завершенной – еще возможно создание ее

дополнительных элементов.

Сложная структура судов Российской Федерации и сложности разграничения их компетенции проистекают из пункта 2 статьи 118 Конституции России о том, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, а также пункта «о» статьи 71 Конституции России, перечисляющего виды судопроизводства в качестве исключительного предмета ведения Российской Федерации.

Федеральный законодатель, осуществляя преобразования судебной системы, постарался максимально реализовать конституционные положения о судебной власти, вводя соответствующие суды и правовые регламенты их функционирования, в том числе учитывая центростремительные настроения субъектов Российской Федерации, а также полный отказ от прежнего устройства судебной системы. В.М. Жуйков отмечал: «Несмотря на указание в федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» на единство судебной системы (ст. 3), фактически таковой нет. Она имеет самостоятельные и независимые друг от друга две системы (судов общей юрисдикции и арбитражных судов) и один обособленный судебный орган – Конституционный Суд РФ. Наряду с традиционными видами судопроизводства, Конституция РФ устанавливает конституционное и административное судопроизводство. В связи с созданием арбитражных судов появилось и понятие арбитражное судопроизводство. Все это ослабляет судебную систему, затрудняет доступ заинтересованных лиц к правосудию и защиту их прав, нарушает конституционное положение о равенстве всех перед законом и судом, не обеспечивает единства судебной практики»[86]. Данный тезис будет справедлив и в отношении реализации положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, который с сентября 2015 года вступил в действие, усилив конкуренцию среди судов по вопросам подведомственности дел, что затрудняет доступ в суд, а также формирование единства судебной практики и единого правового пространства.

Смещение приоритета публичных интересов лишь подчеркивает повторяющуюся изменчивость развития общества и права. Если ранее в конкурентной борьбе за сферу разрешения спора «духовенство забирало все в свои руки, узурпировало власть суда и нарушало порядок правосудия. Оно претендовало на ознакомление со всеми судебными делами, так как тут есть грех, а ни один здравомыслящий человек, говорил папа

Иннокентий III в капитулярии о судьях, не может не знать, что знакомство с грехом относиться к нашему служению»[87], то в настоящее время при выдвижении на первый план экономического развития страны в теории права утверждается, что почти все дела имеют экономический характер. Теперь на смену этого тезиса приходит новый – о необходимости усиления публичной власти, что обуславливает тенденцию к администрированию многих сфер отношений. С ним соперничает за первенство тезис о становлении в России информационного общества и выдвижение, в связи с этим, на первый план проблемы защиты интеллектуальных прав. Об этих тенденциях свидетельствует создание Суда по интеллектуальным спорам и введение Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также огромный массив административных регламентов.

Таким образом, устраняя одно конкурирующее начало, государство вводит новое, которое влечет новый виток борьбы за компетенцию, и, следовательно, порождает противоречивую судебную практику, основанную на «уникальности» правового регулирования судебного процесса, еще далекого от совершенства.

В связи с этим представляется резонной идея Д. Бахраха, согласно которой нужна специализация судей, а не судов, поскольку учреждение новых судов потребует значительных материальных средств, затруднит доступ граждан в суд и создаст серьезные трудности в формировании единства судебной практики и усложнит организацию судебной системы[88]. Но, к сожалению, рациональные предложения остаются без должного вниманию со стороны власти.

Анализируя судебную систему Российской Федерации как сложную совокупность судов, необходимо уделить внимание цели их деятельности и задачам судопроизводства.

Центральное место в определении задач правосудия занимает статья 18 Конституции России, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, и обеспечиваются правосудием. Данная статья не только закрепляет обязательность ряда правовых гарантий человека, но и устанавливает, что последнее слово в разрешении правового конфликта в случае их нарушения органами власти и должностными лицами принадлежит суду. Это накладывает определенную ответственность на государство, которое должно установить порядок разрешения споров, который

должен соответствовать концепции справедливого судебного разбирательства.

Положение пункта 2 статьи 118 Конституции России предусматривает, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Исходя из этой дифференциации судопроизводства и учреждения соответствующих судов, были приняты процессуальные кодексы (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ). Исключением являются конституционные суды, в отношении которых специальным федеральным конституционным законом и законами субъектов Российской Федерации предусмотрены порядки создания и правила производства по делам.

Как было отмечено в первом параграфе данной главы, заинтересованность государства в быстром и правильном рассмотрении экономических споров оказывало влияние на правовое регулирование, цели и задачи судебного процесса. Поэтому начнем анализ целеполагания судопроизводства с арбитражного процесса.

В АПК РФ1992 года цель и задачи судопроизводства не определялись, но уже через 3 года они были сформулированы как «защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов предприятий, учреждений, организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[89]. В АПК РФ 2002 года цель и задачи судопроизводства звучат, как:

«1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере;

2) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

3) справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом;

4) укрепление законности и предупреждение

правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

5) формирование уважительного отношения к закону и суду;

6) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота»[90].

Расширение задач судопроизводства в арбитражных судах связано не только с осознанием значимости судебной защиты прав субъектов экономической деятельности, которые являлись и являются движущей силой устойчивого динамичного развития страны, и установлением в качестве задач правовых гарантий судебного разбирательства, но и с приведением задач и цели судопроизводства в соответствие с ожиданиями общества и с требованиями концепции справедливого судебного разбирательства.

Обновление задач и цели судопроизводства в гражданском процессе происходило не так стремительно. Лишь спустя 10 лет (в 2000 году) после принятия Конституции России законодатель произвел рокировку в ранжировании публичных и частных интересов и упразднил упоминание о политической составляющей судопроизводства[91]. Теперь в ГПК РФ «задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду»[92].

Аналогичное обновление целеполагания происходило и в уголовном процессе. Сначала УПК РСФСР 1961 года, который продолжал действовать вплоть до 2001 года, устанавливал, что «уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития»[93]. После принятия УПК РФ задачи и цели уголовного судопроизводства законодателем видятся в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от

преступлений; защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; уголовном преследовании и назначении виновному справедливого наказания, отказе от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитации каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Схожее обновление произошло и в законодательстве об административных правонарушениях. Сначала Кодекс РСФСР об административных правонарушениях 1984 года предусматривал, что «законодательство РСФСР об административных правонарушениях имеет задачей охрану общественного строя СССР, социалистической собственности, социально – экономических, политических и личных прав и свобод граждан, а также прав и законных интересов предприятий, учреждений и организаций, установленного порядка управления, государственного и общественного порядка, укрепление социалистической законности, предупреждение правонарушений, воспитание граждан в духе точного и неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения к правам, чести и достоинству других граждан, к правилам социалистического общежития, добросовестного выполнения своих обязанностей, ответственности перед обществом»[94]. Затем в 2001 году законодатель определил, что «задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений»[95].

Как видно из содержания приведенной нормы, произошло не только выдвижение на первый план прав и свобод, законных интересов человека и гражданина, но и перечисление тех сфер общественных отношений, соблюдение и охрана правил которых являются приоритетными для государства. Анализ сфер правового регулирования, подпадающего под охрану государством, приводит нас к мысли о том, что их большая часть следует из главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции России. Учитывая то, что рассмотрение дел об

административных правонарушениях осуществляют как несудебные, так и судебные органы власти, то последние, а точнее арбитражные суды, в своей деятельности также руководствуются процессуальным законодательством. Суды общей юрисдикции не используют ГПК РФ для восполнения пробелов правового регулирования при рассмотрении и разрешении дел об административных правонарушениях.

С сентября 2015 года вступил в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, в котором цель и задачи судебного процесса определены как: «1) обеспечение доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений; 2) защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений; 3) правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел; 4) укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений»[96]. Примечательно, что в названном Кодексе отсутствует в качестве традиционной задачи судопроизводства формирование уважительного отношения к закону и суду, которое осуществляется всеми органами государственной власти[97] посредством ежедневной деятельности во благо человека и гражданина, что может свидетельствовать об отсутствии понимания у его авторов прямой связи нарастания количества правонарушений с проблемами воспитания правового сознания у населения.

Наиболее удивительная ситуация сложилась вокруг целеполагания конституционного судопроизводства. В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» нет статьи, посвященной цели и задачам конституционного судопроизводства[98]. Обращает на себя внимание то, что названный закон изначально их не предусматривал. Несмотря на то, что конституционное судопроизводство впервые воспроизведено в качестве самостоятельного вида судебного процесса и реализации судебной власти в Конституции России, и при перманентном подчеркивании важности и актуальности данного вида судопроизводства в защите прав и свобод человека и гражданина в юридической литературе в судебных актах Конституционного Суда России, с 1993 года по сей день законодатель не сформулировал цели и задачи этого вида судопроизводства.

Отчасти этот правовой пробел является причиной научных поисков постижения сущности конституционного

судопроизводства, его цели и задач. Те научные исследования, которые имеются на сегодняшний день и посвящены целям и задачам конституционного судопроизводства, предлагают их понимать, как совокупность действий суда и правоотношений, которые складываются между судом и участниками процесса[99]. Если экстраполировать этот тезис на другие виды судопроизводства, то мы не почувствуем разницы и справедливо посчитаем его приемлемым в отношении, например, гражданского или уголовного судопроизводства. Это не достоинство универсальности дефиниции, а отсутствие оригинальной специфики, присущей лишь конституционному судопроизводству. Немного забегая вперед, отметим, что несовершенство нормативного правового регулирования накладывает отпечаток на теорию процессуального права. Так, например, В.В. Цибульский утверждает, что стадиями конституционного судопроизводства являются «обращение в КС РФ; предварительное рассмотрение; принятие решения КС; исполнение решения КС»[100], что, по сути, повторяет алгоритм правового регулирования деятельности суда в названном конституционном законе и не отражает сущностную специфику нормоконтроля, осуществляемого Конституционным Судом России. Если сопоставить названное утверждение с классическим пониманием стадии судебного процесса[101], то станет очевидным ошибочность его утверждения.

Отсутствие в нормативном правовом регулировании определения начала производства в судебной инстанции при наличии нормы права о том, что заинтересованные лица вправе обратиться в суд, не раз становились причиной ошибочных выводов о том, что соответствующее производство начинается подачей процессуального обращения. Так, например, В.М. Лебедев полагает, что первым этапом производства в суде надзорной инстанции является принесение надзорной жалобы (представления прокурора)[102]. Однако подача жалобы не влечет безусловного возбуждения названного производства, поскольку она должна соответствовать установленным в законе требованиям, а судебные ошибки должны отвечать тем критериям, которые влекут отмену или изменение судебных актов.

Как не прискорбно признать, на этом поприще в юридической науке еще изящно не обосновано принципиальное отличие нормоконтроля, осуществляемого Конституционным Судом России, от нормоконтроля, осуществляемого судом общей юрисдикции или арбитражным судом, до сих пор не получилось, как, впрочем, и четко определить цели и задачи

конституционного судопроизводства. Поскольку и в том и в другом случае оспариваемый нормативный правовой акт проверяется на соответствие акту, занимающему более высокое положение в иерархии норм права (в первом случае проверяется на соответствие Конституции России, а во втором – федерального законодательства), что, с нашей точки зрения, не является поводом для выделения в отдельный вид судопроизводства, обладающего иной целью и задачами, чем те, которые указаны в гражданском судопроизводстве.

Выявленные правовые пробелы в целеполагании судопроизводств не только затрудняют уяснение их истинных целей и задач, но и создают препятствия при реализации права на судебную защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а равно организаций, а также ее эффективности. Таким образом, несовершенство нормативного правового регулирования судопроизводств является фактором, дестабилизирующим судебную систему, создающим препятствия в достижении конституционных задач правосудия. В связи с этим требуется адекватная корреляция нормативного правового регулирования структуры судебной системы и правил ее функционирования, которые обозначаются в целеполагании судопроизводства и в компетенции судов, конституционным целям правосудия.

Более того, законодателем не определены задачи и цели конституционного судопроизводства. Несмотря на этот досадный правовой пробел, судебную систему Российской Федерации можно считать целенаправленной.

В судебную систему входят только государственной органы судебные власти (Федерации и ее субъектов), что исключает включение в нее негосударственных институтов разрешения правовых конфликтов.

Однако при всей, казалось бы, очевидности дефиниции «судебной системы» в юридической литературе встречается различное ее понимание: в судебную систему включают третейские суды, медиаторов и другие несудебные органы и институты. Распространение широкого толкования понятия «судебная система» происходит и в юридической науке. Так, например, Ю.М. Гайдидей полагает, что в судебную систему включается «система судов, как центральный элемент судебной системы, без которого эта система была бы не судебной; судейский корпус; органы судейского сообщества; третейские суд; работники аппаратов судов; арбитражные и присяжные заседатели; судебно-правовая культура; судебное и судейское право»[103].

В связи с чем считаем верным утверждение тех ученых, которые исходят из того, что правосудие является деятельностью суда по реализации функции государства[104], а судебная система является частью системы органов государственной власти. Наличие негосударственных организаций, осуществляющих содействие разрешению правовых споров, и увеличение их вариативности форм свидетельствует о неэффективности существующей государственной судебной системе, правила функционирования которой не в полной мере соответствуют запросам современного общества. При наличии эффективного государственного механизма разрешения споров не было бы необходимости в создании вспомогательных альтернативных процедур, проводимых негосударственными организациями.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что судебная система является открытой, многоуровневой, целенаправленной и динамичной системой, состояние которой меняется при взаимодействии с внешними и внутренними факторами. В результате чего наблюдаются структурные изменения самой судебной системы, компетенции ее частей и качества правосудия в целом.

§ 1.3. Значение и роль судебной системы в системе органов государственной власти

Судебная система является частью системы органов государственной власти, то есть частью системы более высокого порядка, поэтому рассмотрим ее значение и роль в контексте концепции разделения властей.

Статья 18 Конституции России устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Исходя из названной статьи, мы понимаем цель судебной системы в системе органов государственной власти как конституционную гарантию признания и соблюдения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина и их действенного обеспечения правосудием. Поскольку именно судебная система обеспечивает верховенство права в государстве, если его не обеспечили органы законодательной власти посредством установления в правовом законе потребности человека как реального права и свободы или законного интереса, и органы исполнительной власти, органы местного самоуправления посредством издания подзаконных нормативных правовых актов и исполнения законодательства, которое должно применяться и толковаться в контексте приоритета прав и свобод человека и гражданина.

Защита прав, свобод, законных интересов человека и гражданина обеспечивается как судебными, так и несудебными (административными) органами государственной власти. При этом Конституция России и международные договоры предусматривают гарантии судебной защиты прав и свобод, законных интересов человека и гражданина как на государственном уровне – судами Российской Федерации, так и на наднациональном уровне – межгосударственными органами по защите прав и свобод человека, например, Европейский Суд. Не касаясь наднационального уровня, рассмотрим подробнее роль и значение судебной системы в системе органов государственной власти России.

Концепция разделения власти в правовом государстве предполагает не только распределение властных полномочий на законодательную, исполнительную и судебную власть, но и

«сотрудничество между властями в целях достижения максимальной эффективности в управлении обществом»[105]. Как верно отмечено Ю.А. Тихомировым, «разделение властей нельзя доводить до крайностей и противоборства… надо повышать авторитет судебной власти и защиты с ее помощью прав и законных интересов граждан и юридических лиц»[106]. Баланс ветвей власти достигается включением определенных функций в компетенцию каждой власти в отдельности, предполагающих контроль за другими. Суды Российской Федерации наделены широкими полномочиями по рассмотрению возникающих правовых споров, функцией нормоконтроля и правотворчества. Последние две функции производны от первой[107].

Разрешая правовые конфликты, суд не только восстанавливает нарушенное право посредством применения закона, но и восполняет его в тех случаях, когда обнаруживаются правовые пробелы. Правовосполнительная функция наиболее ярко проявляется, когда суд отменяет неправовую норму закона, объясняя, почему именно она таковой является, а также в случае восполнения правового пробела.

С.С. Алексеев отмечает, что восполнительную функцию суда по отношению к закону играет судебная практика[108]. При этом он отмечает, что тенденция придания значимости судебной практики как источнику права наблюдается не только в системе общего права, в которой она традиционно занимает главное место, но и в системе континентального права, где господствует закон[109], и судебная практика обретает «собственные, исконные функции»[110].

Полагаем, что такой же функцией обладают разъяснения высших судебных органов, поскольку единство правовой природы форм судебного контроля предопределяет характер, которые носят его виды[111]. Ввиду этого научная дискуссия об обязательности разъяснений Верховного суда государства порождена наличием либо отсутствием указания на это обстоятельство в законах, которые менялись под влиянием теории государственного управления в советском праве. Право дачи разъяснений нижестоящим судам по вопросам судебной практики Верховным судом государства уходит корнями в глубь веков, когда такие функции осуществлял суверен, сочетавший в себе все ветви власти, разрешая спор, восполнял пробел в праве или устраняя неясность закона. В этом свете было бы немыслимо утверждать, что решения суверена, разъясняющее неясность закона или восполняющее пробел в праве, являются необязательными для нижестоящих судов, т. е. для его подданных (его вассалов). Ранее такая гипотеза могла бы стоить ее автору

головы. Однако с разведением полномочий по трем ветвям власти стали возникать сомнения в обязательности разъяснений высшего судебного органа страны[112], которые представляются надуманными. Более того, теперь звучат предложения о введении «наставников» судей, которые будут ими руководить, как это ранее делал НКЮ[113]. С этим предложением нельзя согласиться В.М. Жуйков указывает, что правовая основа для признания судебной практики источником права – прежде всего Конституция России, провозгласившая, что Россия – правовое государство (статья 1), обязывающая законодателя издавать только правовые законы, а суды – разграничивать право и закон, обеспечивать верховенство права и исключение возможности применения нормативных актов, противоречащих праву. При этом он указывает, что суд, выполняя свою конституционную обязанность, истолковывая закон, оценивая его на предмет соответствия Конституции России, общепризнанным принципам и нормам международного права, которые имеют приоритет, в тех случаях, когда законодатель принял закон с нарушением этих актов, обязан воспрепятствовать его реализации, отказав в применении такого закона. «Восполняя пробелы и разрешая противоречия в законодательстве, суд в настоящее время зачастую вынужден создавать (творить) право, иначе его деятельность станет не просто неэффективной, а приведет к результатам, противоположным тем, которых от него вправе ожидать общество: он будет не защищать права, а способствовать их нарушениям»[114].

Выражая солидарность с его точкой зрения, отметим, что суд как правоприменительный орган наиболее остро и быстро ощущает недостатки и проблемы законодательства при осуществлении правосудия, поэтому у судов возникает объективная потребность в разъяснении норм закона. Нередки случаи, когда после введения в действие нового закона практика показывает неоднозначное понимание и применение его норм, что влечет разные правовые последствия для субъектов правового регулирования. Все чаще это приходиться наблюдать в последние годы, когда качество законодательства все больше оставляет желать лучшего.

В целях единообразного уяснения и применения норм закона при разрешении дел по спорам принимаются постановления Пленума Верховного Суда России. Разъяснения высшего судебного органа в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов являются не только способом устранения дефектов законов, но и методом корректировки правоприменительной деятельности судов и несудебных органов,

поскольку последние обязаны выполнять решения первых в силу императивных предписаний процессуального законодательства и законодательства о судебной системе.

Часть 1 статьи 104 Конституции России предусматривает право законодательной инициативы Верховного Суда России по вопросам его ведения. Учитывая, что круг вопросов судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов весьма широк, то высший судебный орган как субъект законодательной инициативы может вносить проекты законов практически по любым отраслям законодательства, которые применяются при разрешении дел судами. Как правило, в основу таких положений законопроекта положена судебная практика применения законодательства. Как отмечалось В.М. Жуйковым, правоположения, выработанные судебной практикой в результате применения законодательства, воспринимались законодателем, тем самым устранялись дефекты нормативного правового акта[115]. Аналогичный вывод напрашивается и в отношении определения круга вопросов ведения Конституционного Суда России.

Судебная система как целенаправленная система достигает конституционной цели правосудия посредством рассмотрения споров. Целями правосудия более высокого порядка являются укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду. Достижение названных целей обеспечивает согласие и мир в обществе.

Ранее цели правового воспитания понимали как формирование уважения к праву и суду, означающее «признание социальной ценности права, включающее достаточную информированность о требованиях правовых норм и солидарность с принципами права»[116]. Проявление солидарности возможно лишь в условиях уяснения правовых предписаний предлагаемой законодателем и судом модели поведения, изложенных понятным языком, а информированности – доведения до сведения всех членов общества основополагающих идей и принципов. Полагаем это утверждение справедливым и сегодня.

Поскольку восприятие человеком ценностей идей происходит на протяжении всей его жизни, то процесс формирования ценностных установок следует рассматривать как длительный, направленный на сознание и поведение. В связи этим на первый план выходит задача влияния на правовое сознание личности. Для ясного понимания и уяснения исходных понятий последовательно рассмотрим понятия «правосознание» и

«уважение». В узком понимании воспитание правового сознания подразумевает целенаправленную деятельность органов государственной власти и общественных институтов, направленную на формирование уважения к закону. Исходя из этого, в юридической литературе принято понимать правовое воспитание как разъяснение норм закона органами государственной власти. Однако такое понимание не дает возможности взглянуть на деятельность государственных органов иначе. В широком смысле правовое воспитание представляет собой процесс формирования правосознания и правовой культуры членов общества, включая влияние политических, экономических и социальных условий жизнедеятельности, системы законодательства и правоприменительной практики, нравственной и духовной атмосферы в обществе, уровня образования.

Что касается понятия «уважения» в контексте общепризнанных ценностей, то это следование и формирование стойких взглядов человека по их признанию и мотивации своего поведения в отношении ценностных ориентиров.

Ввиду того, что и в первом, и во втором случае процессы формирования воспитания и уважения длительные по времени, то они включают в себя и впечатление от работы и взаимодействия с органами государственной власти, в том числе судебной системы. Поскольку регламентация деятельности органов судебной власти регулируется нормативными правовыми актами, которые воспроизводят одной из своих задач воспитание уважение к праву и закону, то можно сделать следующий вывод.

Правовоспитательная функция (деятельность) органов судебной власти заключается в реальном обеспечении конституционных гарантий прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а равно организаций, и своим неукоснительным соблюдением этих правовых идеалов формировать у каждого уважение к праву и суду. При этом воспитательная роль органов судебной власти заключается не только в разъяснении норм права посредством изложения в судебном акте мотивов его принятия, но и в уважительном отношении к каждому в судебном процессе, в создании условий конструктивного и вежливого диалога состязающихся сторон спора. Это важный аспект воспитания уважения к закону и формирования правового сознания, формирования позитивного образа представителей органов (судебной) власти, воспитания правовой культуры.

Однако правовые пробелы, в том числе в процессуальном законодательстве, не позволяют последовательно реализовать

задачи и достигать цели правосудия. Так, например, требования уважительного отношения как к лицам, участвующим в деле, так и к суду, установлены правилами поведения и содержания процессуальных обращений в суд первой инстанции, однако таких требований нет в отношении процессуальных обращений в вышестоящие судебные инстанции, что на практике не позволяет судьям возвращать процессуальные заявления их подателям, в которых содержатся неуважительные формулировки. Непоследовательное проведение в жизнь целей правосудия, а равно игнорирование какого-либо их аспекта, негативно отражается на авторитете суда и всей системы государственных органов власти в целом как участников законодательного процесса выработки и принятия норм закона.

Отличительной особенностью судебной власти в воспитании уважения к закону является то, что в настоящее время суд не осуществляет воспитание в привычном понимании, то есть судьи не выступают с просветительскими лекциями на производстве и перед рабочими коллективами, как это было в советское время. Это обусловлено отказом идеологов судебной реформы от осуществления этой дополнительной функции судами[117]. Аналогичная идея содержится и в Резолюции Комитета Министров Совета Европы № R (86) 12 относительно мер по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды, согласно которой необходимо постепенно уменьшать количество не имеющих отношения к судебному разбирательству задач, возложенных на судей, поручая такие задачи другим лицам или органам. Кроме того, оказание правовой помощи вне судебного процесса нарушает фундаментальные принципы правосудия – состязательности и равноправия сторон. Несмотря на упразднение прежней практики публичных выступлений судей, воспитание уважения к закону и суду сохранилось в целевых установках судопроизводства, которые анализировались в предыдущем параграфе.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данная целевая установка достигается выполнением задач правосудия. Иными словами, уважение к закону и суду формируется посредством правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, а также через ознакомление с правовым обоснованием принятого по итогу разбирательства судебного акта.

Судебный акт как результат процессуальной деятельности суда должен содержать нормы права, и давать ответы участникам разбирательства почему так, а не иначе решен спор, что в свете

возложенных на государство обязанностей будет воспитанием через правовую пропаганду: доступное изложение правоположений в судебном акте, и аргументированность выводов суда применительно к конкретному правовому спору. Уяснение правовой позиции суда по делу способствует предупреждению правонарушений, укреплению законности и правопорядка, стабильности, что также служит достижению целей правосудия.

Было бы невозможно достижение названных целей правосудия, если бы, например, суд в уголовном судопроизводстве или конституционном судопроизводстве не утруждал себя изложением выводов и норм права, которые применимы в данном деле, а сразу констатировал результат. В таком случае неясно, почему именно такой итог слушаний дела, почему, например, совершенное деяние не влечет привлечение к уголовной ответственности виновного лица, или, почему нормативный правовой акт признан неконституционным или соответствующий Конституции России.

Отсутствие объяснения в судебном акте, почему так или иначе разрешен правовой спор и какие нормы права применимы в данном случае, не позволяет лицам, участвующим в деле, потенциальным участникам процесса, обществу в целом, а также субъектам законодательной инициативы понять отчего в рассматриваемом судом случае нарушены либо не нарушены права, свободы и законные интересы и как надлежит поступать, чтоб не допустить в будущем подобного нарушения. Отсутствие мотивов в судебном акте не дает названным лицам уверенности в том, что их дело разрешено справедливо[118].

На этом основании полагаем, что отказ законодателя от общего правила обязательного изложения мотивов судебного акта в гражданском и арбитражном процессе не соответствует задачам и цели правосудия, подрывает авторитет судебной власти, и не способствует укреплению законности и правопорядка в стране. Создается опасная практика легализации произвола суда, которая может распространяться и на вышестоящие инстанции.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что судебная система является ключевым элементом системы органов государственной власти, обеспечивающим права, свободы и законные интересы человека и гражданина, единство судебной практики и единство правового пространства, стабильность государственных и общественных институтов. Судебная система как составная часть более сложной системы государственных органов власти выполняет функцию стабилизации циклов более высокого порядка посредством разрешения правовых конфликтов,

корректируя законодательство через нормоконтроль и внесение законодательных инициатив.

В рамках предусмотренных законом полномочий органы других ветвей власти тоже принимают меры по стабилизации и нормальному функционированию государственной системы в целом, в том числе судебной системы. Однако сложный механизм принятия мер, а также их неадекватность или несвоевременность создают обратный эффект – дестабилизацию системы, и как следствие – кризис судебной системы, о чем будет сказано ниже.

Глава ii
Диалектическая модель судебной системы

§ 2.1. Политика и судебная система

Циклическое развитие отечественной судебной системы связано с этапами становления государственной власти и преобразованиями в государственном управлении. Сравнительный анализ выделенных циклов позволяет утверждать, что в основу политики в области правосудия был положен этатизм, предполагающий приоритет интересов суверена над иными интересами и правами. Права и свободы подданных (граждан) рассматривались как производные от государственных интересов и вторичные по отношению к ним. В связи с этим на первый план выступали интересы государства, которые ревностно им охранялись и защищались. При таком подходе стремления суверена взять под личный контроль вопросы разрешения экономических споров, политические дела и дела, в которых имеются отступления от изданных им указов, судебников, уставов и законов выглядят естественно. Также вполне резонно выглядят розыскные правила проверки правосудности судебных актов сувереном, меры понуждения и наказания за уклонение или за их нарушение. Обращения граждан по делам, в которых судьи разрешили спор не сходно с законами или отказывали им в правосудии в виду пробела в законе, для главы государства имели принципиальное значение для действенного обеспечения его юрисдикции на всей территории государства. Поэтому сначала допускались любые обращения как граждан, так и судей, а по мере тяготения суверена постоянно нарастающим их количеством вводились правила подачи и рассмотрения таких обращений его людьми, которые отсеивали неприемлемые обращения. Как отмечает А.А. Левандовский, «население всех многочисленных уездов приучалось к мысли, что у всех разнородных земель, входивших в состав Русского государства, есть один центр – Москва. Именно там решаются все важнейшие государственные вопросы»[119]. Многовековое приучение населения искать справедливости в лице высшего органа власти в государстве не прошло бесследно и сформировало в общественном правосознании модель поиска правды. Примеры, когда на произвол чиновников жалобы населения подаются сразу в высшую инстанцию можно видеть и сегодня[120]. Эта модель поиска справедливости имеет не только историческую традицию, но и некоторую поддержку и в нормативном правовом регулировании: личный прием жалоб от населения должностными лицами суда и прокуратуры, право выражения «несогласия» с «отказными» определениями судей суда

кассационной и/или надзорной инстанции должностных лиц соответствующих инстанций, внесение представлений должностными лицами суда надзорной инстанции[121] и так далее.

Смена политического строя в 1917 году повлияла на выдвижение нового приоритета публичных интересов в праве, в том числе в правилах судебной защиты. Права правящего рабоче-крестьянского класса стояли на первом месте в политике советского государства и превалировали над частными интересами. Государственное управление строилось на основе властеподчинения, предполагающего в том числе, что надзирающий орган власти предписывал нижестоящему органу власти исправить недостаток в работе посредством направления протеста после проведения соответствующей проверки. Исходя из этого, в процессуальных кодексах 1923 и 1964 годов протест служил основанием для возникновения отношений между должностным лицом, принесшим протест, и судебнонадзорной инстанцией, а также между лицами, участвующими в деле, и судом надзорной инстанции. При этом характер и методы этого производства в гражданском и уголовном процессе были административные (несудебного органа – НКЮ), которые в науке гражданского процессуального права и уголовно-процессуального права считали особенностями надзорного производства, а само производство – исключительным[122], такой подход можно встретить и сегодня[123]. Правовое регулирование проверки вступивших в законную силу судебных актов почти не содержало процессуальных прав и обязанности лиц, участвующих в деле, и процессуальных сроков как на обращение в судебную инстанцию, так и на совершение отдельных процессуальных действий. Проверка начиналась не по жалобе лиц, участвующих в деле, а по письменному обращению должностных лиц исполнительных и законодательных органов власти, местных учреждений и организаций, т. е. тех лиц, кому, по логике власти, намного виднее, как должна выглядеть советская справедливость и законность. Также была распространена практика инициирования надзорной проверки после сигналов: публичных выступлений, заметок в печати, непосредственного усмотрения должностных лиц, имеющих право судебного надзора и т. д.[124]

Провозглашение в Конституции РФ России демократическим федеративным правовым государством свидетельствует о смене политической парадигмы, в центре которой теперь находится человек, его права и свободы, законные интересы. Это накладывает на государство обязательства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод, законных интересов,

которые определяют смысл деятельности всех органов власти. В свете этого требуют переосмысления подходы в решении конституционных задач правосудия, формирования единства судебной практики и единства правового пространства. Изменение ориентира государственной политики в области судебной защиты прав также ставит вопрос поиска баланса частных и публичных интересов в судебных процедурах рассмотрения спора по существу, и в механизме исправления судебных ошибок. Осознание изменения вектора государственных приоритетов, взаимосвязи политики государства со структурой судебной системы, иерархии судебных инстанций со стабильностью судебной системы, а также ее эффективности позволило очертить круг ценностей общества и государства, провозглашенных последним в качестве приоритета. Исходя из этого, право выступает средством достижения конституционных целей и задач правосудия, обеспечивающее права, свободы и законные интересы каждого, а также устанавливающее баланс интересов.

Единство ценностей и идеалов обеспечивают согласие и мир в обществе, на что указывает преамбула Конституции России. На основе всеобщего согласия членов общества государством принимаются нормы права, которые позволяют регулировать отношения и поддерживать стабильность в нем, баланс интересов, в том числе по вопросам судебной защиты. Государство в лице органов судебной власти разрешает правовые конфликты по установленным в законе правилам судопроизводства. Рассмотрение и разрешение правового спора государственным органом судебной власти выводит проблему на новый уровень обеспечения в законе тех общепризнанных принципов и норм права, которые разделяют большинство общества, обеспечивают баланс и справедливость. Особенно остро эта проблема обозначена при определении правил производств, в которых стороной спора выступает орган государственной власти, в том числе орган судебной власти, а также в области достижения конституционных задач правосудия. Актуальность обеспечения баланса интересов имеется также в правилах построения судебной системы, ее иерархии и компетенции (в зависимости от вида судопроизводства).

В то же время установление в законе тех или иных правил рассмотрения и разрешения споров таит борьбу идей: какие принципы будут превалировать в правовом регулировании судопроизводства, какие правила рассмотрения спора и проверки судебных актов будут установлены? В этом смысле парадигма конфликта олицетворяет проявление закона единства и борьбы

противоположностей, поскольку перманентность смены приоритетов общества обуславливает смену политических, социальных, экономических, правовых конфликтов, а она, в свою очередь, предопределяет вектор преобразований судебной системы: реформ и контрреформ[125], универсализации и специализации судов (судей), усложнения и упрощения иерархии судебной системы и так далее.

Несмотря на то, что органы государственной власти находятся по одну сторону интересов по отношению к интересам человека и гражданина, в их рядах тоже нет согласия, поскольку превалируют ведомственные интересы над публичными интересами, которые задекларированы в нормативных правовых актах. При этом чем больше возможностей влиять на правовое регулирование в данной сфере у того или иного чиновника, тем острее конфликт идей. В результате лоббирования ведомственных интересов причинами неэффективности существующей судебной системы являются отсутствие единой доктрины развития судебной системы, противоречивое законодательство (в том числе процессуальное)[126], неясные и неполные разъяснения высшего судебного органа[127], неэффективная работа судей и аппарата суда[128], дефицит кадров[129], волокита[130], недостаточное финансирование[131], недостатки статистического учета и планирования[132]. Полагая обоснованным такие утверждения, справедливости ради отметим, что часть названных проблем государство признало в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» и в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, а также в иных документах. Однако констатация фактов не повлияла на решения политической элиты по вопросам иерархии судебных инстанций и правил их функционирования, принципов и структуры правового регулирования проверочных производств.

Напротив, политические силы стремились и стремятся реализовать свои противоречивые интересы. В качестве поля борьбы идей выступает правовое регулирование структуры судебной системы и правила ее функционирования. При этом не всегда их интересы соответствуют интересам общества и государства. Так, например, представителями власти делаются предложения об упразднении правила изложения мотивов судебного акта[133], «расширить полномочия СКР для работы за границей, создать «объективный» международный суд и отказаться от закрепленного в Конституции принципа приоритета международного права над национальным»[134].

Вместе с тем по результатам анкетирования, проведенного

автором, выяснилось, что более 72 % респондентов считают судебный акт без изложения мотивов его принятия несправедливым[135]. Это законодательное предложение чуждо современному обществу, ожидающему от судебной системы осуществления справедливого судебного разбирательства, неотъемлемой частью которого является мотивированный судебный акт. С учетом того, что сначала такое правило было введено в гражданском процессе применительно к мировым судьям в 2013 году, а теперь предлагается его распространить на арбитражных судей, а также с учетом того, что длительность рассмотрения жалоб на нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека рассматривает обычно через 5–6 лет, то приблизительно к 2018–2019 году имеется высокая вероятность вынесения судебного постановления названного Суда, констатирующего нарушение статьи 6 названной Конвенции, выразившееся в судебном произволе (немотивированное судебное решение). Вероятно, в постановлении Европейского Суда, который обычно исследует, были или нет властями государства-ответчика применены стандарты Конвенции в настоящем деле, будет отмечено, что первоначальное предложение об упразднении общего правила изложения мотивов судебных актов вносилось гарантом Конституции России, а затем руководством Верховного Суда России. Сама по себе констатация нарушений положений Конвенции государство-ответчиком уже наносит ущерб его авторитету, как на международной арене, так и внутри страны.

Как отмечают составители книги «Путь к закону», «непременным условием работы над крупными нормативными актами фундаментального характера, какими являются в России кодексы любой отраслевой принадлежности, должно быть предварительное социологическое исследование», но «в наше время это условие выполняется не всегда»[136]. Поэтому предложения политической элиты в области правосудия должны как минимум соответствовать ожиданиям общества и стандартам справедливого судебного разбирательства.

Относительно идеи отказа от закрепленного в Конституции России принципа приоритета международного права над национальным законодательством, можно отметить, что она была аннигилирована правовой позицией Конституционного Суда России, изложенной в постановлении от 14 июля 2015 № 21-П.

Во-первых, Конституционный Суд России в пункте 2.2. названного постановления указал, что имплементация принципов ном международных договоров в правовую систему государства недопустима, по сути, в двух случаях: 1) если «участие в которых

может повлечь ограничение прав и свобод человека и гражданина»; 2) «или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания».

Во-вторых, как указано в том же постановлении Конституционного Суда России (пункт 3), государство-ответчик может отказаться от исполнения постановления Европейского Суда в двух случаях: 1) «если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение»; 2) «осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции»[137].

В практике Европейского Суда пока нет ни одного постановления, которое было бы признано Россией не подлежащим исполнению по названным причинам, зато есть целый массив постановлений Суда, констатирующих нарушения Конвенции на стадиях расследования уголовных дел и уголовного судопроизводства[138].

Проводя параллели с предыдущим гипервитком развития отечественной судебной системы, невозможно не остановиться на парадигмах конфликта и согласия как проявлениях диалектического закона единства и борьба противоположностей. В первом случае парадигма конфликта отражает внутреннюю противоречивость процессов, протекающих внутри государственной власти, ее органов. Эти процессы осложняют достижение согласия в обществе и государстве, создают разрушительный эффект неконструктивной полемикой, произволом. Проявлением конфликта может служить, например, внесение председателем суда (судьей) представлений в президиум областного и соответствующего ему суда по проверке в порядке надзора судебных актов при отсутствии уже такого права в ГПК РФ. Верховному Суду России пришлось принимать срочные меры по пресечению подобной практики, и разъяснению, что реставрация прежней практики принесения протестов недопустима[139]. Другим примером проявления парадигмы конфликта может выступить инициатива работников юстиции, обосновывающих необходимость восстановить право руководства судами, которая наталкивается на конституционное положение о независимости судебной власти и недопустимости вмешательства в осуществление правосудия. Таких примеров можно приводить много, но заметим, что суть предложений заключается в том, чтобы восстановить прежние полномочия или порядок, но с некоторыми отличиями присущими текущему моменту.

Представляется, что в основе выдвижения «новых» идей права об устройстве судебной системы и правилах осуществления правосудия лежат амбиции. Ориентация на личный успех, достижение первенства, перспектива возглавить отдельное направление какой-либо деятельности (суда или около судебных структур), иметь подчиненных и руководить ими, принимать властные решения, проявлять несогласие с определениями судей, указывать, как надлежит рассматривать дело и прочее, очень соблазнительны.

Во втором случае, стремление достичь консенсуса. В качестве примера парадигмы согласия можно привести включение в проект единого кодекса гражданского судопроизводства упрощенного производства и приказного, по сути, имеющих одно и тоже предназначение скорого рассмотрения несложных дел, но разительно отличающихся правовой регламентацией[140]. При этом упрощенное производство является результатом стремления ускорить арбитражный процесс по аналогии с гражданским процессом, которому знаком институт приказного производства. Наличие правовой тавтологии объясняется тем, что предложение включить упрощенное производство в единый Кодекс принадлежит должностному лицу из системы арбитражных судов, а приказное – из судов общей юрисдикции. Естественно, что каждый ратует за то, что ему более привычно, но вступать в конфликт нерезонно в условиях предстоящего переезда Верховного Суда России в Санкт-Петербург, поскольку он может стоить карьеры. В данном случае прекаризация выступает условием достижения согласия. Как было отмечено в юридической литературе, несогласные с новыми правилами не вошли в новый судейский корпус[141]. Поскольку реформа процессуального законодательства не завершена, то подобных примеров будет еще множество.

Сопоставляя нынешнюю разгоревшуюся полемику вокруг унификации правил единого кодекса гражданского судопроизводства с дискуссией о правилах Устава гражданского судопроизводства, можно отметить следующее.

Так же как и ранее есть два лагеря противостояния: либералов и консерваторов. Либералы ратуют за западные образцы судопроизводства, предлагают демократические принципы процесса. Консерваторы, наоборот, ставят под сомнение такой подход и призывают к возвращению к прежним устоям и порядкам[142]. Если раньше полемика увенчалась победой, а именно закреплением в Уставах демократических принципов судебного процесса, то в настоящее время имеются серьезные сомнения в их победе при наличии стойкой

убежденности чиновников в правильности модели прежнего советского надзора.

Изучение главных задач стратегических документов по реформированию судебной системы, принятых на протяжении последних лет, позволяет сделать следующие выводы.

Судебная реформа изначально началась с отрицания имеющейся системы, поэтому Концепция судебной реформы 1991 года в качестве цели обозначала отказ от единства судебной системы. Эта идея была положена в основу создания трех ветвей судебной власти, возглавляемых Верховным Судом России, Высшим Арбитражным Судом России и Конституционным Судом России, а также создания судебной системы на двух уровнях: на федеральном и уровне субъекта Федерации, что обычно свойственно федеративному государству. Достижение поставленной цели предопределило создание и функционирование судов субъектов Федерации, и, как следствие, дихотомию судебной системы государства на два уровня, а затем еще большее расщепление на специализированные суды. Как отмечает В.М. Лебедев, никто из идеологов Концепции не пояснял, «в чем именно недостаток единства судебной системы и преимущества ее раздробленности»[143]. К слову сказать, сейчас тоже никто не поясняет, почему именно в Санкт-Петербурге должен находиться объединенный Верховный Суд, а не в Москве, где построено специализированное здание для осуществления правосудия и оснащено необходимыми телекоммуникационными системами, а, следовательно, израсходованы значительные бюджетные средства на эти цели.

Децентрализация коснулась ряда функций, связанных с судебной властью. Так, например, часть полномочий по принудительному исполнению судебных актов и соблюдением порядка в суде были вверены Федеральной службе судебных приставов, а вопросы сбора и анализа судебной статистики в судах общей юрисдикции – Судебному департаменту при Верховном Суде России. Рациональность выведения из компетенции суда этих полномочий сомнительна, поскольку образование названной службы приставов было накануне ратификации Конвенции, которая понимает стадию исполнения решения как часть судебного разбирательства[144], а сбор и анализ статистических данных лишь судов общей юрисдикции, без учета данных арбитражных судов, конституционных (уставных) судов, не дает полную картину количества обращений в суды за защитой прав, свобод и законных интересов, качество разрешения дел и прочее. Тем более, если сравнить результаты деятельности по сбору и анализу судебной статистики, степени

их репрезентативности, публичности и доступности Судебного департамента, имеющего армию служащих, и Высшего Арбитражного Суда России, имевшего более скромный штат сотрудников, занимающихся этими вопросами, то вывод напрашивается сам собой[145]. Отчасти эти структурные преобразования напоминают те, которые происходили в начале 19 века, когда впервые вопросы составления статистических отчетов по судебным делам были вверены Министерству юстиции. Теперь оно не курирует эти вопросы. Сейчас имеются предложения вернуть судебному ведомству ранее выделенную в отдельную структуру службу судебных приставов.

Затем центростремительные настроения политической элиты сменились осознанием необходимости централизации власти, в том числе судебной, как ответ на современные вызовы. Поэтому в период с 2002 по 2006 годы в качестве главной цели государственной политики в сфере развития судебной системы был выдвинут тезис о развитии и укреплении судебной системы как самостоятельной ветви государственной власти, создании условий для осуществления ею независимой и эффективной деятельности по обеспечению защиты прав и свобод, закрепленных в Конституции России, вытекающих из международных договоров Российской Федерации. Для достижения этой цели должны были решаться следующие задачи:

– усиление авторитета судебной власти, укрепление независимости и самостоятельности судов и судей, нормативно-правовое обеспечение судебной системы;

– кадровое обеспечение судебной системы;

– развитие материально-технического обеспечения судебной системы;

– информационное обеспечение судебной системы;

– укрепление научного потенциала судебной власти, создание системы профессиональной подготовки и переподготовки судей и работников аппаратов судов.

Постановка таких задач и цели федеральной программы предполагают завершение сформировавшейся судебной системы и улучшение ее работы. Однако данный вывод можно было бы считать верным, если бы не проводимые преобразования в системе арбитражных судов и в системе судов общей юрисдикции по перераспределению подсудности и подведомственности дел, которые сводятся к оптимизации нагрузки между судебными звеньями, что, в свою очередь, затрудняет скорейшее достижение программной цели в силу объективных причин, а также имеющийся колоссальный разрыв в уровне предоставления информации о деятельности судебной власти в системе судов

общей юрисдикции, конституционных (уставных) судов и арбитражных судов, и между судебной и исполнительной властью[146]. Система профессиональной подготовки судей и работников аппаратов судов вызывает обоснованную критику[147], а Российская академия правосудия, на которую возлагались большие надежды как на кузнецу кадров для судебной системы, признана неэффективным ВУЗом[148].

Последующее реформирование судебной системы сосредоточилось на повышении качества правосудия, уровня судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Несмотря на то, что Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы призвана решить новые задачи, обусловленные стремлением России соответствовать европейским стандартам справедливого судебного разбирательства, а также развитием информационных технологий, именно в этот период времени в процессуальное законодательство вносятся поправки, которые реально снижают процессуальные гарантии лицам, обращающимся за судебной защитой, о чем будет сказано ниже. Отчасти это обусловлено высокой судебной нагрузкой на судей, недостаточным финансированием, и несовершенством правового регулирования как функционирования судебной системы, так законодательства в целом, в соответствии с котором разрешаются споры.

В федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» целями мероприятий обозначены повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. На фоне уже перманентной констатации цели федеральных целевых программ повышения качества правосудия нынешний этап развития судебной системы должен характеризоваться как завершающий, поскольку имеется целевая установка по совершенствованию судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, что, в свою очередь предполагает улучшение имеющихся судебных процедур. Между тем, в настоящее время они пересматриваются под видом унификации. Однако поставленные задачи во исполнение этой программной цели говорят о нерешенности ранее поставленных задач в обеспечении открытости и доступности правосудия, независимости судебной власти и создании необходимых условий для осуществления правосудия. Властью признана проблема обеспечения единства судебной практики и единство правового пространства.

Таким образом, длиною в четверть века ралли судебной реформы по дорожным картам Концепции и федеральных

целевых программ развития судебной системы свидетельствует о прохождении полного цикла по законам диалектики: отрицание отрицания, переход количества в качество, единство и борьба противоположностей.

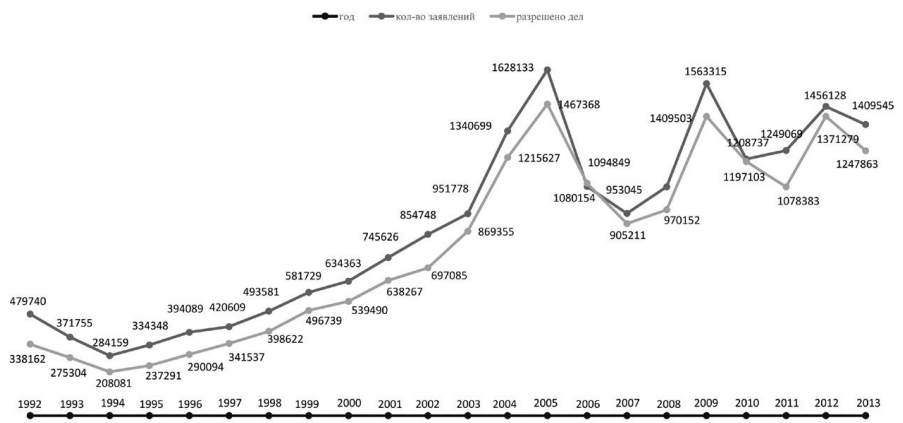
Развитие судебной системы и страны в целом вступает в противоречие со статикой судоустройства и правилами ее функционирования, а многообразие судов не способствует формированию единства судебной практики и единства правового пространства, тем более защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Правила функционирования судебной системы, а особенно той ее части, которая имеет иерархию, ориентированы на демонстрацию статистического качества правосудия. Примеров неудачного воплощения программных задач можно приводить бесконечное множество, но наша миссия не в том, чтоб указывать на следствие, а в том, чтоб обратить внимание политической элиты на то, что формирование планов развития, в том числе судебной системы, должно опираться на анализ причинно-следственных отношений, внешних и внутренних факторов влияния на объект регулирования, опыт предшественников.

Внешняя и внутренняя политика является фактором, оказывающим влияние на судебную систему и правила ее функционирования, механизм исправления судебной ошибки. Постоянная смена фокуса публичных интересов, которые объявляются государством предметом особой заботы, обуславливает ротацию ценностей в праве, процессуальном праве, и, следовательно, задач и цели правосудия.

§ 2.2. Экономические циклы и кризис судебной системы

Обычно позиционируется, что постоянный рост поступающих в суды на разрешение дел обусловлен ростом доверия граждан к суду[149]. Однако при наложении статистических показателей и экономических циклов (кризисов) в России[150] можно заметить, что этот тезис спорный. Особенно это наглядно видно на примере статистических данных арбитражных судов[151]. Поскольку в силу неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных и бюджетных обязательств возникают правовые споры, которые поступают в суд для разрешения ввиду отсутствия альтернативных конституционно правовых способов, окончательно разрешающих правовые конфликты, в том числе с государством в лице его органов власти и органами местного самоуправления, и их должностных лиц.

График 1. Количество заявлений и разрешенных дел

На графике 1 видно, что тренды увеличения и спада количества поступающих (исковых) заявлений и разрешенных дел коррелируются с экономической активностью и кризисами. Отличительной чертой динамики судебной статистики от волнообразной картины экономических циклов заключается в том, что она повторяет линию деловой активности. Это объясняется рядом объективных факторов, к числу которых можно отнести относительно недавний переход к рыночной экономике, несовершенство официального статистического учета, а также особенности и несовершенство правового регулирования осуществления правосудия и механизма проверки судебных

актов, являющееся отчасти результатом адаптации судебной системы на возникающие трудности. Касательно права на суд это выражается в том, что правовые споры рассматриваются и разрешаются в предусмотренной законом процедуре, поэтому с ее появлением начинают поступать соответствующие процессуальные заявления. С 2004 года по 2013 год[152] динамика увеличения и спада количества поступающих (исковых) заявлений и разрешенных дел коррелируются с колебаниями экономической активности. В год наступления экономического кризиса происходит рост числа обращений в суды, а в следующие за ним годы наблюдается пик динамики увеличения. В большинстве случаев это обусловлено тем, что потенциальные участники процесса сначала пытаются во внесудебном (досудебном) порядке урегулировать возникший спор, и лишь не снискав удовлетворения своих требований к контрагенту, обращаются за судебной защитой.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что экономические циклы являются внешним мощным фактором воздействия на судебную систему, что, безусловно, следует учитывать в государственном планировании.

При нарастающей волнообразной динамике поступления дел в арбитражные суды количество судебных участков остается относительно стабильным. Это относительное постоянство обусловлено утвержденным законом числом судебных участков[153], числом судей и аппарата судов, и объемом финансового обеспечения соответствующего бюджета[154].

Сопоставление числа судей и количества (исковых) заявлений, поступивших в арбитражные суды дел в кризисный 2009 год, позволяет сделать вывод о том, что нагрузка на одного судью в суде первой инстанции составляет 65 дел в месяц у судей в 2009 году. Учитывая, что количество рабочих дней в месяце в среднем составляет 29, или 232 часа соответственно, то на рассмотрение одного дела уходит 3,5 часа. Для сравнения в 2006 году нагрузка арбитражных судей составляла 59,8 дел в месяц, или 3,8 часа на рассмотрение одного дела. Рассмотрение дела судом предполагает совершение судьей (судьями) ряда процессуальных действий, которые гарантируют справедливое судебное разбирательство, включая оценку приемлемости процессуального обращения, извещение сторон по делу, предварительное и судебное заседания, изготовление судебного решения и исполнительного документа.

Справедливости ради, необходимо отметить, что статистические показатели не в полной мере отражают картину судебной нагрузки, поскольку они среднестатистические. В

некоторых арбитражных судах субъектов Федерации эти показатели значительно выше, в других немного ниже. Но даже усредненные показатели судебной нагрузки поражают. Кроме того, неизвестно, брались ли в расчет председатели арбитражных судов и их заместители, которые хотя и наделены статусом судьи, но, как правило, не рассматривают дела, либо рассматривают, но в виде исключения. Судьи работают в условиях запредельной нагрузки.

Представляется очевидным, что указанного времени недостаточно, особенно если сопоставить данные судебной нагрузки с утвержденными нормативами нагрузки судей и работников аппарата судов субъектов Российской Федерации Постановлением Минтруда РФ, Минюста РФ от 27.06.1996 № 41а/06-74-124[155]. В названном совместном постановлении судебная нагрузка рассчитана, исходя из фактической численности штатов судов и правового регулирования их деятельности. Так, например, для рассмотрения дела по спору участников хозяйственных обществ требуется 15,5 часов, а на рассмотрение спора, вытекающего из публичных правоотношений, – 29,5. Приведенные примеры судебной нагрузки являются лишь относительными ориентирами, поскольку они были рассчитаны с учетом дореформенных правил гражданского судопроизводства, правила арбитражного процесса вообще не брались в расчет, хотя арбитражные суды уже были созданы и успешно работали. Отмеченное досадное обстоятельство демонстрирует просчеты в государственном планировании уже на стадии технического задания.

Принцип обеспечения публичной услугой определенного числа граждан на единицу органа власти неразрывно связан с бюджетным обеспечением.

В целях проведения судебной реформы, повышения эффективности деятельности судебной власти в Российской Федерации, оптимального организационно-правового и материально-технического обеспечения судебной системы в Российской Федерации Правительством России используется программноцелевой метод, который подразумевает достижение установленной цели в определенный срок на основе реализации мер, имеющих соответствующий объем бюджетного финансирования. Именно недостаточное финансирование признано одной из основных причин «провалов» федеральных целевых программ, в том числе развитие судебной системы. В федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» указывается в качестве основного риска программноцелевого метода недостаточность

финансирования Программы за счет средств федерального бюджета, обусловленная инфляционными процессами[156]. Недостаточность денежных средств на реализацию поставленных целей преобразования судебной системы являлась константой в силу разных объективных причин.

Однако не только нехватка денежных средств может являться причиной, препятствующей достижению программной цели, но и неправильный расчет или вообще его полное отсутствие. Так, до сих пор не руководствуются даже устаревшими нормативами нагрузки на судей, а также не поставлена задача по выработке новых, поскольку изменились как численность судей, так и правила судопроизводства, которые являются исходными данными для проведения расчетов.

Принятие новых нормативов нагрузки на судей подразумевает резкое увеличение бюджетного финансирования судебной системы, которая, с одной стороны, должна функционировать, обеспечивая правосудием права, свободы и законные интересы каждого, а, с другой – обеспечивать право судьи осуществлять публичную функцию в рамках нормальных условиях, с соблюдением режима труда и отдыха. Вместе с тем аналогичные нормативы труда установлены в отношении других профессий.

Отрицание объективной потребности в установлении новых нормативных нагрузок на судью приводит к тому, что вступает в действие второй закон диалектики, а именно переход количественных изменений в качественные.

Применительно к судебной системе качество правосудия традиционно оценивается по количеству судебных ошибок от общего числа рассмотренных и разрешенных дел судами. Анализируя данные судебной статистики в периоды кризиса и пика экономической активности, можно отметить следующее.

В периоды оживления и пика экономической активности (в 2006 году) в апелляционном порядке было оспорено 136626 судебных актов арбитражных судов или 12,5 % от общего числа дел в первой инстанции. При этом отменено или изменено 24827 судебных актов (или 2,3 % от общего количества рассмотренных дел в первой инстанции). В кассационном порядке было отменено или изменено 20667 судебных актов (или 1,9 %) арбитражных судов. В надзорном порядке было отменено 312 судебных актов.

В кризисный 2009 год в апелляционном порядке было оспорено 166725 судебных актов или 14,5 % от общего числа дел, принятых судом первой инстанции. Отменено или изменено 30820 судебных актов (или 2,2 % от общего количества принятых судом первой инстанции). В кассационном порядке было

отменено или изменено 16381 судебных актов (или 1,2 %), а в порядке надзора – 319 судебных актов [157].

При сопоставлении данных видно, что процент неправосудных судебных актов, отмененных в апелляционном порядке, в кризисный год увеличился с возрастанием общего количества поступивших в арбитражные суды дел. Увеличение количества дел ведет к возрастанию числа судебных ошибок, что наглядно демонстрирует второй закон диалектики: переход количественных изменений в качественные.

Однако сопоставление показателей качества правосудия на уровне кассационной и надзорной инстанции позволяет сделать вывод, что тенденция вопреки ожидаемому росту числа судебных ошибок идет на спад, а в судебном надзоре – относительно стабильна.

Возникает вопрос: в чем причина парадокса?

Причина кроется в изменении правил судопроизводства и проверки правосудности судебных актов, которые происходят под влиянием чрезмерной судебной нагрузки. Изменяется вектор правил функционирования судебной системы, который ориентирует спорящих на обязательное соблюдение досудебного порядка урегулирования разногласий, использование услуг медиаторов и других посредников в переговорах и т. п. Что касается дел, которые ранее рассматривались в упрощенном порядке, то их перечень расширяется, а правила проверки судебных актов уже не допускают их последовательной ревизии. Например, в результате таких преобразований правил упрощенного производства и проверки правосудности судебных актов в настоящее время невозможно исправить судебную ошибку, если апелляционным судом были неправильно применены нормы материального и процессуального права (ч. 1–3 ст. 288 АПК РФ). Аналогичная ситуация сложилась в системе судов общей юрисдикции с судебными актами мировых судей, которые невозможно проверить в Верховном Суде России.

Таким образом, проведение политики упростить и ускорить судебный процесс на уровнях вышестоящих судов дается ценой ограничения права на доступ в суд, предполагающего реальную возможность проверки дела вплоть до Верховного суда государства. Трансформация правил функционирования судебной системы как ответ на имеющиеся проблемы судебной нагрузки увеличивает число латентных судебных ошибок, поскольку становиться неочевидным их допущение в процессе проверки вышестоящими судами. Наиболее яркими примером могут служить статистические данные рассмотрения процессуальных обращений в надзорную инстанцию. Например, в 2013 году в

Высший Арбитражный Суд России поступило 21378 надзорных заявлений и представлений прокурора[158], а в Верховный Суд России – 800[159], а рассмотрено по существу гражданских дел 464 и 1 соответственно. При этом, если учесть, что в 2013 году в суды общей юрисдикции поступило 12 903 316 гражданских дел[160], и лишь одно из них достигло Верховного Суда России, а в арбитражные суды поступило 1 247 863 гражданских дел[161].

Ухудшение качества правосудия побуждает бизнес разрешать споры либо в иностранной юрисдикции, либо в третейских судах. Ответом на бегство бизнеса из государственных судов является реформирование третейских судов посредством ужесточения требований к ним, и как следствие, уменьшение их численности. Те, кто еще вчера ратовал за упразднение третейских судов, сегодня, оказавшись не у дел, рьяно отстаивают идею третейского разбирательство спора[162].

Возвращаясь к тезису о доверии граждан к суду, будет интересно обратиться к федеральным целевым программам по развитию судебной системы. В федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы вообще не ставилась задача обеспечения доверия граждан, как и утверждение судебной нагрузки в Российской Федерации, поэтому в ней не было соответствующих целевых индикаторов. В федеральной целевой программе на 2007–2012 годы развития судебной системы среди целевых индикаторов на первое место уже ставился вопрос доверия-недоверия граждан к органам правосудия. В ней предполагалось, что доля граждан, доверяющих судам увеличится за этот период с 27 % до 50 %, а тех, кто не доверяет, снизится с 25 % до 6 %, но этого не произошло[163]. Поэтому в федеральной целевой программе на новый срок до 2020 года уже отсутствует такой целевой индикатор. Вместо него введен индикатор информированности граждан о деятельности судов, о чем отмечалось ранее[164]. Смена приоритетов целевых индикаторов в федеральной целевой программе красноречиво говорит сама за себя.

Немного забегая вперед, следует отметить, что выбранный индикатор федеральной целевой программы также вряд ли продемонстрирует высокие показатели информированности населения о деятельности судов, что, вероятно, приведет в смятение чиновников. Причина отсутствия блестящего результата кроется в том, что Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» под «информацией о деятельности судов» понимает судебные акты, вынесенные по существу дела, а также судебные акты вышестоящих судебных инстанций, исключая из

этой дефиниции определения суда, которые не оканчивают производство по делу. Вследствие этого на официальных сайтах судов общей юрисдикции не размещаются определения судей о движении дела, что представляется как минимум не логичным, поскольку именно из этих процессуальных определений, вынесенных по результату совершения отдельных процессуальных действий суда, и состоит судебный процесс. Информация о вынесении промежуточных определений суда позволяет заинтересованным лицам понять, в каком положении находится их дело, какие процессуальные действия совершены судом, и где оно.

Утрата доверия к суду свидетельствует о кризисе судебной системы, структурном кризисе, кризисе судебной реформы. Как отмечает С. Капица, «потеря доверия указывает на разрушения связей в обществе, на которых в значительной мере основаны его стабильность и развитие»[165].

Осознание политическими элитами проблем судебной системы, проистекающих из большой нагрузки судей, обозначило потребность выбора между экстенсивным и интенсивным способами их разрешения. Первый способ предполагает увеличение численности судей и, как результат, снижение судебной нагрузки, а второй – оптимизацию деятельности судьи с целью рассмотрения большего количества дел за единицу времени. Имелись также предложения по сокращению количества дел с одновременным сокращением числа судей[166].

Между тем, сокращение количества судей, а также аппарата суда даже при одновременном сокращении дел вероятнее всего не приведет к желаемой цели.

Во-первых, федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» предусмотрен рост количества судов общей юрисдикции, оснащенных системами видео– и аудио– протоколирования и видеоконференцсвязи, а также арбитражных судов – системами видеозаписи и трансляции судебных заседаний, что потребует больше трудозатрат, и, следовательно, возрастет нагрузка на суды.

Во-вторых, внедрение электронного правосудия в будущем времени лишь сохранит высокую судебную нагрузку, поскольку оцифровка материалов дела и их хранение, систематизация, актуализация данных по ним, требует введения дополнительных штатных единиц в суде. Кроме того, публичная услуга станет более доступной, и, следовательно, более востребованной для разрешения споров. Как отмечал С.Ю. Данилов, введение компьютерной техники с ее атрибутами, с одной стороны, «существенно увеличивает быстроту поиска, получения и

обработки разной информации», а с другой стороны, – способствует разбуханию штатов в институтах власти государства[167].

Отказ от электронного правосудия или отдаление горизонта его внедрения не пойдет на пользу укреплению доверия граждан к суду как к институту государственной власти, а создаст пропасть между уровнями взаимодействия населения и государства на основе информационных и телекоммуникационных технологий в органах исполнительной[168] и судебной власти. Замедление темпов технического оснащения судов гаджетами и введения удобных эргономичных электронных сервисов усилит кризис недоверия к судам, поскольку степень разработанности правил коммуникации граждан с государством и их эффективность зависят от заинтересованности последнего решать поставленные задачи.

Более того, технический прогресс сам по себе является импульсом экономических циклов, поскольку влечет институциональные изменения в экономике, а затем, как было показано выше, порождает рост дел в судах. Поэтому откладывать выработку и принятие новых норм судебной нагрузки более нельзя.

В настоящее время решение об увеличении объема финансирования на фоне невысокого качества правосудия не может быть принято – это проявление закона «отрицание отрицания», а именно отрицание объективной потребности в санкционировании научно обоснованной судебной нагрузки как нормы, и как следствие – отрицание системы, которая не справляется со своей функцией ввиду чрезмерной загруженности[169].

Анализ целого ряда стратегических документов, принятых государством со сроком реализации до 2020 года, позволяет сделать вывод, что на фоне ожидаемого роста численности населения России количество судебных участков существенно не планируется увеличивать, что очевидно создаст новую волну трудностей. Следует отметить, что Боккара считает прирост населения главным фактором, обуславливающим циклическое движение капитала: период экономического подъема сопровождается ростом рождаемости, который проявляется «через 1520 лет, когда в производство вливается новая рабочая сила»[170].

Как известно, ценность модели определяется тем, на сколько ее характеристики соответствуют свойствам моделируемого объекта. В основе моделей роста лежит предположение о пропорциональности скорости роста численности популяции

самой этой численности. Если даже не брать в расчет экспоненциальный рост численности населения, прогнозируемый учеными[171], а ограничиться лишь ожиданиями прироста численности населения и продолжительности жизни, запланированных в государственных программах социально-экономического развития, и оказания содействия по добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, то становится очевидно, что существующая модель судебной системы не сможет справиться с нагрузкой и в полной мере соблюсти все требования справедливого судебного разбирательства. Для оптимальной модели судебной системы должны соблюдаться пропорции численности населения к числу судей и аппарата суда.

Увеличение количества дел на одного российского судью с увеличением числа судебных ошибок ярко демонстрирует второй закон диалектики – «переход количественных изменений в качественные».

Рассмотрение взаимосвязи экономических циклов и функционирования судебной системы позволяет осмыслить косвенную связь между этими явлениями, и, следовательно, необходимость внесения корректив в государственную политику по развитию судебной системы, перераспределению полномочий властных органов, в том числе судебных, принимать взвешенные и адекватные ситуации целевые программы. На этом основании полагаю справедливым замечание Е.В. Беляновой и С.А. Николаенко об актуальности отслеживания колебаний деловой активности в нашей стране[172], поскольку эти данные позволяют не только принимать адекватные и своевременные меры реагирования на вызовы в экономике, но и уравновешивать состояние органов государственной власти, в том числе судебной системы.

В свете изложенного, важное значение приобретает состояние судебной системы, а с учетом законов диалектики, деятельность по обеспечению правосудием прав, свобод и законных интересов человека и гражданина может быть эффективна лишь при стабильности судебной системы. Поддержание стабильности судебной системы в условиях динамичного развития общества и государства должно осуществляться перманентно с учетом достижения пороговых значений нагрузки на судей, постоянного мониторинга судебной статистики и анализа динамики категорий дел, а также циклических колебаний, которые оказывают влияние на траекторию экономического развития в нашей стране. При этом оно должно осуществляться с участием органов исполнительной власти, в компетенцию которых входит сбор и

анализ статистических данных, отслеживание деловой активности (экономических показателей) и их регулирование, финансирование федеральных целевых программ.

Неспособность адекватного реагирования государства на рост дел в период экономических и демографических потрясений приводит к кризису судебной системы, а далее – общества и государства. Также этот тезис будет справедлив и в отношении планирования социально экономического развития страны, которое должно идти рука об руку с корреляцией требований, предъявляемых к судебной системе в прогнозируемом временном горизонте.

§ 2.3. Административно-территориальное деление России как условие формирования судебной системы

Анализ истории возникновения и развития отечественной судебной системы позволяет выявить взаимосвязи проблем обеспечения единства судебной практики, единства правового пространства и количества судебных инстанций (и их полномочий) через призму масштабов государства и численности населения, взаимосвязи вопросов государственного управления от масштабов государства и традиции преобразований государственной власти.

С переходом судебной власти от веча к суверену произошла смена принципа управления, в том числе разрешения правовых споров, от единого органа власти, действовавшего в общине, к суверену и его наместникам. Вследствие этого территориальная юрисдикция князя и его наместников не совпадала. Стремление суверена расширить свою юрисдикцию на вассальные земли и ограничить власть наместников обусловило появление инстанционности, которая выдвинула на первый план проблему единства судебной практики и единства правового пространства. В грамотах устанавливалось, что власть суверена возвышалась над всеми судебными местами и поддерживалась мерами понуждения и наказания. Порядок рассмотрения жалоб населения на местных судей использовался для решения публичных задач: соблюдение указов всеми судебными местами и обеспечение их единообразного исполнения, восполнение пробелов в праве.

Одной из первых трудностей, с которой столкнулся суверен при расширении своей юрисдикции, стала невозможность личного рассмотрения всех вопросов, входящих в его компетенцию, ввиду обширности территорий государства и круга возникающих вопросов. Делегирование полномочий, в том числе судебных, сопряжено с определением юрисдикционных территорий, размер которых должен позволять эффективно осуществлять управление ими. Районирование территорий государства по десятичной системе, которая была введена монголами для сбора налогов и мобилизации мужского населения, была впоследствии взята на вооружение суверенами и дошла до наших дней. Это можно наблюдать на примере «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи» Екатерины II, где государство делится на губернии числом населения от 300 и 400 тысяч человек, а они, в свою очередь, на

округа или уезды с числом населения от 20 до 30 тысяч человек[173]; а также – положения пункта 4 статьи 4 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», согласно которому судебные участки создаются из расчета численности населения на одном участке от 15 до 23 тысяч человек, а в административно-территориальных образованиях с численностью населения менее 15 тысяч человек создается один судебный участок. Относительно небольшие районы были составной частью более крупного региона страны, которые образовывали территориальное деление государства как условие построения вертикали власти.

Однако принцип, по которому то укрупнялись, то дробились регионы страны постоянно менялся и зависел от преследуемой цели (экономический подъем, обеспечение безопасности и т. д.). Расширение границ государства, внешние угрозы безопасности и внутренняя политическая борьба за власть обуславливали тенденцию централизации власти, а дарование относительной самостоятельности и сохранение традиционных укладов управления имперскими окраинами как гарантии стабильности и мира в обществе диктовали децентрализацию власти.

Поскольку в ту пору в одном органе власти были сосредоточены все ее ветви, то государственный аппарат (в том числе судебная система) претерпевал те же изменения. Поэтому судебная власть выстраивалась то в централизованную систему, то в децентрализованную. Судебная юрисдикция постоянно следовала за изменением административно-территориального деления государства и являлась определяющей причиной в количестве судебных инстанций, хоть и не единственной.

Имущественное расслоение общества и ставшие традиционными иммунитеты сословно представительской аристократии от суда наместника, а также порядок проверки правосудности судебных актов также обуславливали иерархию судебной системы, которая в измененном виде дошла до наших дней в правилах родовой подсудности. Как отмечает Л.А. Терехова, «инстанционные проблемы судов в гражданской юрисдикции зависят от правил родовой подсудности. Эти правила допускают рассмотрение дел по первой инстанции во всех звеньях судебной системы. Данное обстоятельство, в свою очередь, создает множественность вторых инстанций и множественность надзорных инстанций. Правила родовой подсудности, кроме того, девальвируют понятие судебной инстанции, вышестоящего суда, поскольку районный суд совмещает в себе первую и вторую инстанции, областной (и приравненный к нему) и Верховный Суд РФ – первую, вторую и

надзорную. Реформирование инстанционности – это реформирование законодательства о судоустройстве и норм о подсудности в направлении единообразия для всех гражданских дел»[174]. Полагаем, что это утверждение будет справедливым также в отношении уголовного и административного процессов.

Представляется правильным предложение Л.А. Тереховой о том, что суд первой инстанции должен быть сосредоточен в одном нижнем звене судебной системы, а именно – в районном суде[175]. Однако такую идею не разделяют носители власти и в обоснование своей точки зрения ссылаются на то, что районный суд не сможет обеспечить правильное рассмотрение и разрешение их дела. Не вступая в эту полемику, хотелось бы заметить следующее.

Если представители власти априори отрицают правильное рассмотрение дела в низовом звене судебной системы, то почему мы – граждане – должны быть уверены в том, что наши правовые споры этот же суд рассмотрит правильно? Можно ли говорить в таком случае о конституционном равенстве всех перед законом и судом? Если вопрос заключается в том, что профессиональный ценз для кандидатов в судьи областных и соответствующих им судов и в Верховный суд государства выше, чем для судей в низовом звене судебной системы, что по замыслу законодателя должно обеспечить высокую квалификацию судей проверочных инстанций, и, как следствие, исключить вероятность судебных ошибок, то почему бы в таком случае законодателю не пересмотреть квалификационные требования для судей низового звена, в сторону их повышения? До сих пор такие предложения не вносились на обсуждение парламента.

После принятия Конституции России и формирования судебной системы, которая действенным образом обеспечивала бы правосудием права, свободы и законные интересы человека и гражданина, а равно организаций, выдвинуло на первый план проблему организационной структуры и правил ее функционирования. Одной из таких гарантий по обеспечению независимости судебной власти от иных ветвей государственной власти является территориальная юрисдикция.

Несовпадение территориальной юрисдикции судебной системы и территориальной юрисдикции органов исполнительной власти в настоящее время законодателем видится в качестве гарантии независимости суда.

Вместе с тем в таком принципе территориального определения юрисдикции суда видятся латентные угрозы как для самой судебной системы, так и для государственной целостности.

Согласно общему правилу в рамках одной административной

единицы есть один орган управления, который уравновешивается судом соответствующей иерархии и местным законодательным (представительным) органом, и по мере укрупнения единиц над ними возникает следующий уровень высших органов власти, который с учетом концепции разделения властей реплицируется на самостоятельные ветви власти. Поэтому изменения в территориальной юрисдикции администрации влекут изменения иерархии в судебной власти. Это, в свою очередь, порождает дискуссию о необходимости воссоздания во всех субъектах Российской Федерации всей судебной системы, включая конституционные (уставные) суды[176].

Судебные участки мировых судей не совпадают с юрисдикцией федеральных судов, что в некоторой степени затрудняет формирование единства судебной практики и единства правового пространства. Эти неизбежные противоречия заложены в положениях Конституции России, в которых, с одной стороны, говорится об исключительном ведении Федерацией вопросов судоустройства и процессуального законодательства (пункт «о» статьи 71), а, с другой стороны, принцип безусловной компетенции субъекта Федерации в пределах его ведения. Данные проблемы проистекают из сложного политического противостояния центра и регионов, которое имело место в период выработки положений Конституции России. Концептуальное несовершенство структуры судебной системы, ее функций и основы для обеспечения единства судебной практики и единства правового пространства оказывает мощное влияние на стабильность системы государственной власти и на современном этапе развития[177].

Как отмечает В.М. Лебедев, «если б Конституция предполагала, что субъекты Федерации могут иметь собственную судебную власть, то, по крайней мере, в этой статье, конкретизирующей ч. 2 ст. 11 Конституции РФ, необходимо было указать, что и судебная власть устанавливается самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации судебной власти, установленными федеральными законом»[178]. Однако его оппонентов не смущает отсутствие названной оговорки, они продолжают настаивать на самостоятельности в вопросе образования судов на территории субъектов Федерации.

Судебная система находится в динамичном состоянии вследствие структурных преобразований исполнительной власти, ее территориальной юрисдикции. Подвижность структуры исполнительной власти обусловлена поиском оптимальной модели управления, отсутствием которой ее упрекают[179],

недостатками структуры[180], содержанием деятельности[181], недостатками конституционного регулирования[182] и прочими причинами. В настоящее время сохраняется тенденция укрупнения регионов (объединение двух субъектов Федерации в один), что влияет на судебную систему: упразднение старых и создание новых областных и соответствующих им судов, районных судов, арбитражных судов[183]. Эта динамика судебной системы будет сохраняться и дальше, приводя ее в движение каждый раз, когда государству потребуется либо мобилизовать людские ресурсы (обычно свойственно укрупнению), либо осуществить более тонкую и гибкую настройку на местах (децентрализация).

Вследствие этого нагрузка на суды первой инстанции постоянно меняется с увеличением числа населения, проживающего на территории, входящей в юрисдикцию суда, а также постоянно нарастает объем судебных актов вышестоящих судов, которые необходимо учитывать при разрешении дел. Также в последнее время наблюдается динамика уменьшения судебных участков мировых судей ввиду естественной убили населения и миграции, что отчасти дестабилизирует работу системы судов общей юрисдикции, поскольку организационные мероприятия по передаче полномочий увеличивают судебную нагрузку в других судах, в компетенцию которых были переданы дела и юрисдикция упраздненных судов, что, в конечном итоге, влияет на качество правосудия.

Сопоставление правового регулирования, устанавливающего систему и структуру федеральных органов исполнительной власти, и судебной системы позволяет сделать вывод, что последнее находится не в лучшем положении. Вместе с тем ясное и четкое представление о единстве судебной системы и правилах ее функционирования является залогом ее эффективности в современных условиях. В настоящее время нет единой концепции реформирования судебной системы, обеспечения ее единства как посредством установления правового регулирования ее структуры и правил функционирования, так и федеральными целевыми программами ее развития. Проблема может быть решена посредством устранения противоречий в Конституции России и принятия единого нормативного правового акта, обладающего стройностью и ясностью правовых конструкций иерархии судебной системы, полномочий судебных инстанций и ее должностных лиц.

Делегирование Федерацией своим субъектам части своих полномочий по обеспечению некоторых прав и законных интересов гражданина создает их неодинаковое правовое

положение. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения финансовых обязательств субъектов Федерации перед гражданами по обеспечению, например, льгот возникают споры, которые будут разрешаться не единообразно и затруднять формирование единства судебной практики и единства правового пространства. Неодинаковое правовое регулирование предрешает спор не в пользу гражданина, поскольку суды применяют законодательство, в том числе нормативные правовые акты, принятые соответствующим субъектом Федерации в определенной области права, что априори предполагает особенности (отличия).

Следует отметить, что немецкий федерализм, часто приводимый в пример сторонниками европейских образцов судебной системы, является результатом влияния оккупационных держав, которые таким способом хотели минимизировать вероятность возрождения централизованного милитаристского государства. В каждой германской земле работает своя система с высшим судом, и при этом существует несколько самостоятельных специализированных судебных систем, которые учитывают специфику запросов общества (суды, рассматривающие социальные споры, коммерческие суды и т. д.). Слепое заимствование или инкорпорирование ее частей в российские реалии без учета исторического контекста преследуемой политической цели обречено на неудачу, и как следствие, ослабление государства.

Федерализм как конституционный принцип и положение части 2 статьи 6 Конституции России о единстве объема прав и обязанностей гражданина на всей территории Российской Федерации предопределяют не только реализацию их на практике, но и означает, что ради подлинного воплощения на территории всего государства субъекты Федерации должны обеспечить как минимум федеральный уровень правовых гарантий. К числу таких федеральных гарантий относится также право на справедливое судебное разбирательство. Федеративное устройство государства определяет организацию судебной системы, единство конституционно-правового регулирования и тем самым обеспечивает неделимость правового пространства на всей территории России, которое не должно нарушаться. Недопустимо, чтобы в субъектах Федерации неодинаковым образом гарантировались и защищались права и свободы человека и гражданина, а равно юридических лиц. Названные конституционные принципы образуют органическое единство основы законодательства о судебной системе и процессуального законодательства[184]. На этом основании полагаем, что в целях

действенного обеспечения правосудием прав, свобод и законных интересов человека и гражданина необходима централизация всей судебной системы и унификация правил ее функционирования.

Исторический опыт реформирования судебной системы посредством децентрализации с последующим преобразованием процессуального законодательства свидетельствует о возникновении впоследствии объективной потребности в учреждении единого высшего судебного органа, сосредоточившего в себе проверку законности судебных постановлений, вступивших в законную силу[185].

Отсутствие же высшего судебного органа, осуществляющего проверку законности решений, формирующего единообразную судебную практику и обеспечивающего единство правового пространства, привело бы к правовому разнобою, поскольку один и тот же закон мог бы по-разному толковаться и применяться в судах, находящихся на территории субъектов Федерации. Произвольное толкование и применение закона по конкретной категории дел повлекло бы для физических и юридических лиц неодинаковые правовые последствия, что являлось бы нарушением конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. На этом основании подвергаем сомнению утверждение о возможном отнесении гражданского процессуального законодательства к совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов[186].

В качестве принципа определения судебного участка – территориальной единицы, на которую распространяется юрисдикция суда, должна выступать оптимальная численность населения, у которой возникают правовые споры количеством чуть менее той, что соответствует предельной нагрузки на судей (норматив нагрузки на судей). При этом указанная разница (дельта) должна обеспечивать достижение предельных нагрузки на судью в кризисные годы – пики судебной нагрузки. Вышестоящие судебные инстанции (апелляция и ревизия) и количество их судей, в свою очередь, должны сохранять тот же принцип формирования территориальной юрисдикции.

Численность населения судебного участка и территориальной юрисдикции органа исполнительной власти не должны совпадать не только по вышеизложенным причинам, но и в силу того, что деятельность судебной власти предполагает более трудоемкий процесс рассмотрения правового спора, вследствие чего сохраняется постоянно высокая судебная нагрузка.

Административно-территориальное деление России является определяющим фактором формирования судебной системы и ее

иерархии. Инстанционность как линия более низкого порядка, образующая спираль более высокого порядка – количество судебных инстанций, их постоянное частичное увеличение и упразднение.

Для стабилизации судебной системы и системы органов государственной власти юрисдикция судебного участка низового звена судебной системы и ее вышестоящих инстанций должен коррелироваться с нормативами судебной нагрузки на судью как гарантия обеспечения справедливого судебного разбирательства.

§ 2.4. Правовое регулирование механизма исправления судебной ошибки

Ранее правовое регулирование не различало виды судопроизводств, судебный процесс был един[187]. Лишь по мере дифференциации судопроизводства и правил подсудности, установления последовательной проверки судебного акта правила рассмотрения процессуальных обращений высшим судебным органом страны реплицируются с учетом особенностей вида (гражданского, уголовного) судопроизводства. При этом процедура проверки правосудности судебных актов претерпела ряд изменений: из института доклада развились апелляционная, кассационная и надзорные проверки, которые отличаются объектом, субъектами, полномочиями проверяющей судебной инстанции и основаниями для отмены (изменения) судебных актов. При этом наработанное подробное правовое регулирование проверки вступивших в законную силу судебных актов в Уставах 1864 года сменялось кратким отражением в законе лишь немногих процессуальных действий, совершаемых должностными лицами суда и прокуратуры после событий 1917 года.

Система проверочных производств через полномочия соответствующего суда и основания для отмены (изменения) судебных актов исправляет судебные ошибки и формирует в пределах своей юрисдикции судебную практику. При этом если законодатель делегировал апелляционной инстанции право вынесения нового решения по делу, то вышестоящая инстанция должна обладать процессуальными возможностями (полномочиями) исправить судебную ошибку, если таковая допущена. В противном случае, вынесение незаконного судебного акта апелляционной инстанцией в отсутствие реальной возможности ее исправить вышестоящим судом, не позволит достичь ни конституционных целей правосудия, ни конкретной стадии судебного процесса. Так, например, если в арбитражном процессе основания для отмены или изменения судебных актов в апелляционном и кассационном порядках представляют собой перечень нарушений норм процессуального и материального права (как условных, так и безусловных), и лишь в суде надзорной инстанции основания для отмены или изменения судебных актов содержат оценочные критерии, что позволяет формировать единообразную судебную практику и эффективно исправлять судебные ошибки посредством последовательной фильтрации через указанный перечень. В гражданском процессе

нет такой последовательной фильтрации[188], что не соответствует цели и задачам гражданского судопроизводства. Представляется, что такое неодинаковое регулирование последовательной проверки судебных актов по делам, подсудные арбитражным судам и судам общей юрисдикции, ставят участвующих в деле лиц в неравное положение, поскольку у субъектов экономической деятельности выше уровень правовых гарантий, чем у населения в гражданском процессе, что нарушает пункт 1 статьи 19 Конституции России.

Уяснение ценностных ориентиров общества и государства позволяет сделать вывод о том, что движущей силой судебного процесса является волеизъявление как лица, обратившегося за судебной защитой, так и иных лиц, участвующих в деле. Исходя из этого, проверочные производства должны начинается по инициативе лиц, участвующих в деле. Процессуальное обращение гражданина или организации должно повлечь вынесение ответного процессуального документа суда (судьи) в установленный законом срок. Такое определение начала судебной проверки и ее алгоритмизация свойственны лишь арбитражному процессу, а в гражданском и уголовном процессах – лишь апелляционной проверке. Подача кассационной или надзорной жалобы как в гражданском, так и в уголовном (административном) процессе не влечет вынесение судебного акта о приеме процессуального обращения.

Исключением не должно являться проверочное производство в Верховном Суде России – оно также должно подчиняться общему правилу дефиниции стадии процесса, под которой понимается совокупность процессуальных действий, направленных к одной близлежащей цели[189]. Для проверки обжалуемых судебных актов высшим судебным органом в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов необходимо соблюдение двух условий: приемлемости жалобы (представления прокурора) и выявление нарушений закона, которые являются основанием к отмене (изменению) судебных актов, вступивших в законную силу. Именно на выявление этих условий нацелена деятельность судьи. Поэтому первой целью совершаемых судьей процессуальных действий после подачи жалобы (представления прокурора) будет установление их соответствия требованиям закона либо неприемлемости. Началом проверочного производства следует считать принятие жалобы (представления прокурора) судьей к производству.

Дефиниция начала производства позволяет определить правовой статус лиц, чьи права, свободы и законные интересы затрагивает обжалуемый судебный акт, и обеспечить

справедливое судебное разбирательство[190]. После норм, в которых указывается цель процессуальных действий судьи (суда), логично было бы включать статьи, устанавливающие содержание принимаемых определений и сроки их направления заинтересованным лицам. Также было бы резонно изложить условия возвращения процессуального обращения и оставления его без движения, и процессуальные последствия несоблюдения установленного порядка проверки вступивших в законную силу судебных актов, которые должны быть тождественны аналогичным правилам в суде второй инстанции, а также – содержание принимаемых судьей судебных актов в таких случаях.

Второй целью совершаемых судьями действий будет изучение поступившей жалобы (представления прокурора), направленное на выявление нарушений закона, которые являются основаниями для отмены или изменения судебных актов в соответствующем производстве.

В случае обнаружения таких нарушений закона необходимо истребовать дело для подтверждения либо устранения сомнений в законности обжалуемых судебных постановлений, вступивших в законную силу, которые и будут следующей – третьей – целью процессуальных действий судьи[191].

Четвертой целью станет рассмотрение дела, в результате которого либо подтверждается законность обжалуемого судебного акта, либо исправляется судебная ошибка (отменяется или изменяется судебный акт).

Сочетание двух правил – определения совершаемых судьей (судом) процессуальных действий и установления сроков их совершения – позволило бы сформулировать статьи глав процессуальных кодексов[192], которые ясно и понятно закрепляли бы последовательные действия судьи (суда). Соблюдение общего правила, согласно которому процессуальные действия судьи (суда) оформляются определением, завершило бы логику построения алгоритма процессуальных действий на стадии проверки вступивших в законную силу судебных актов. Чередование статей, определяющих, какие именно процессуальные действия совершаются судьей (судом) со статьями, устанавливающими содержание принимаемых судебных актов по результату рассмотрения жалобы (представления прокурора) или дела, позволило бы ясно изложить процедуру проверки судебных актов в Верховном Суде России.

Предлагаемая последовательность изложения правил проверочных производств дала бы возможность получать заинтересованным лицам достоверные сведения о деятельности

судебной инстанции и обеспечивала бы действенную защиту прав, свобод и законных интересов, эффективно реализовывать свои процессуальные права, что, в конечном итоге, способствовало бы совершенствованию механизма судебной защиты в соответствии с конституционными целями правосудия и с Конвенцией[193]. Кроме того, предлагаемый алгоритм изложения проверочной деятельности не только бы устранил существующие пробелы в правовом регулировании проверочных производств, сделал кодексы удобными в применении, но и позволил бы единообразно уяснять и применять нормы соответствующих глав кодексов.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации повлияло и далее повлияет на принципы и правовое регулирование проверочных производств в иных видах судопроизводства. Причинами, запускающими новый цикл повторения модели правового регулирования проверочных производств, являются следующие факторы.

Во-первых, как неоднократно указывал Конституционный Суд России в своих судебных актах, сходные правоотношения должны регулироваться одинаковым образом, что обеспечивает конституционный принцип равенства всех перед законом и судом. Данный конституционный принцип реализуется и в моделях правового регулирования проверочных производств. К примеру, принятие в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса РФ оказало влияние на модель правового регулирования проверочных производств в Гражданском процессуальном кодексе РФ, который был принят на год позже.

Примечательно, что история в некотором смысле повторилась. Так, Н. Буцковский отмечает, что целью издания кодекса была кодификация, но «даже при систематическом пересмотре одной части «Свода Законов», а именно о преступлениях и наказаниях, составители нового кодекса, изданного в 1845 году под названием «Уложения о Наказаниях уголовных и исправительных», не могли вполне отрешиться от казуистических приемов», что «… привело также к замене общих понятий»[194]. Критикуя такой подход законодателя, Н. Буцковский утверждает, что законодательство, касающееся судебного ведомства, «отстало от прогрессивного развития жизни нашего общества и находится в разладе с его настоящими понятиями, нравами, и потребностями»[195]. Причины такого трагичного положения дел он видит в отсутствии юридического образования у авторов кодификации. Ситуация за минувшие столетия не изменилась, поскольку в настоящее время орган законодательной власти формируется на выборной основе, что не

предполагает соблюдения профессионального ценза в обладания знаниями в области юридических наук.

Во-вторых, участие в рабочих группах должностных лиц органов власти, обладающих стойким убеждением в необходимости формирования единства судебной практики посредством внесения протеста (представления) и указания судебной инстанции, как надлежит уяснять и применять закон, является залогом успешного воспроизведения модели прежнего правового регулирования советской процедуры судебного надзора. В силу этого избираемые методы правового регулирования проверочного производства в высшем судебном органе государства и используемые термины повторяются. Так, например, В.А. Давыдов, отмечая отсутствие принципиальных отличий между прежним правовым регулированием производства в суде надзорной инстанции и новым порядком, утверждает, что «либо законодатель не делает отличия между задачами прежнего и современного надзорного производства в уголовном процессе, либо полагает, что новые задачи могут быть решены старыми методами»[196]. При этом в названии его монографии и в ее содержании употребляется термин «пересмотр», означающее рассмотреть заново (что априори не может входить в задачи данного производства) вместо термина «проверить», обозначающего действия по удостоверению в правильности чего-нибудь. Это может свидетельствовать о неполном уяснении истинного существа надзорного производства, его методов, цели и задач даже тех, кто обращает внимание на имеющиеся различия проверочных производств. На терминологическую неточность в правовом регулировании производства в суде надзорной инстанции не раз обращалось внимание в юридической литературе[197], но замечания ученых оставлялись законодателем без внимания.

Ознакомление с Концепцией единого Гражданского процессуального кодекса РФ позволило сделать вывод о том, что законодатель не только не переосмыслил подходы к решению конституционных задач правосудия, формирования единства судебной практики и единства правового пространства, но и по-прежнему находится в плену старых юридических представлений и понятий. Правила осуществления проверки судебных актов, установленные в Кодексе административного судопроизводства РФ, за исключением незначительных отличий, по сути своей, представляют воспроизведение процедуры ГПК РФ 2002 года. Более того, вносятся предложения, которые выхолащивают демократические принципы судопроизводства, к числу которых следует отнести отказ от изложения мотивов судебного акта[198].

Судебный акт является официальным ответом государственного органа на письменное обращение граждан, а равно организаций, поэтому он должен содержать ответы на поставленные заявителями правовые вопросы.

Отсутствие мотивов судебного акта нарушает конституционные права на обращение в государственные органы, а также равенство перед законом и судом, поскольку создает неравные правовые гарантии человеку и гражданину в органах государственной власти. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» гарантирует право получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов за исключением случаев, указанных в статье 11 настоящего Федерального закона, (пункт 3 статьи 5, пункт 4 части 1 статьи 10), поэтому орган государственной власти обязан дать мотивированный ответ заявителю. Положения названного закона не распространяются на обращения в суды, поскольку порядок их рассмотрения регулируется процессуальными кодексами, из которых предлагается исключить правовую гарантию получения мотивированного ответа государственного органа судебной власти на письменное обращение гражданина (коллективное обращение граждан).

Таким образом, указанное предложение существенно снижает уровень правовых гарантий и порождает парадокс: в судебном порядке рассмотрения обращений граждан устанавливается более низкий уровень правовых гарантий, чем в аналогичной процедуре в органах исполнительной и законодательной власти, в органах местного самоуправления. При таких обстоятельствах исчезает смысл судебной защиты, упраздняется ее воспитательная функция формирования уважения к праву и суду, если в итоге судебного разбирательства заявитель получит такую же «пустую» отписку, как и, например, от органа исполнительной власти.

В-третьих, среди причин, запускающих новый цикл повторения модели правового регулирования проверочных производств, можно также отметить высокий уровень прекаризации государственных служащих, в том числе судей и аппарата суда[199].

Учитывая то, что названные причины находятся в правовом поле, и имея в виду порядок формирования рабочих групп по унификации законодательства и порядок аттестации государственных служащих и избрания на должность судьи, которые позволяют отсеивать инакомыслящих через названные процедуры[200], то можно заключить, что отмеченные факторы еще долго будут оказывать влияние на процессуальное

законодательство и законодательство о судебной системе.

Вместе с тем на первый план выходят вопросы повышения эффективности и оптимизации судебной системы, принципов ее организации и полномочий судебных инстанций. Эффективная судебная система необходима не только исходя из конституционных положений о России как о правовом государстве, но и для создания стабильного динамичного развития страны и благоприятного инвестиционного климата.

Основное направление оптимизации и повышения эффективности судебных инстанций политической элитой видится как упрощение правил судопроизводства и популяризация принципа процессуальной экономии. Результатом преобразований правового регулирования проверочного производства вступивших в законную силу судебных актов стала утрата права быть осведомленным о начатом проверочном производстве не только лица, подавшего жалобу, но и других лиц, участвующих в деле, и, следовательно, свободного осуществления процессуальных прав, как, например, подача отзыва (возражения). Зато в кодексах воспроизведены дискреционные полномочия должностных лиц Верховного Суда России по выражению несогласия с определением судьи и по внесению своего представления в судебную инстанцию. Фактически восстановлен прежний порядок извещения заинтересованных лиц: лишь в случае передачи дела с жалобой (представлением) в суд проверочной инстанции, который существовал до ГПК РФ. Возвращение неприемлемого процессуального обращения в гражданском и уголовном процессах осуществляется письмом, т. е. документом, не предусмотренным кодексом. Незнание заинтересованных лиц оказывает влияние на пределы проверки судебных актов компетентным (судьей) судом. Срок на обращение в суд с жалобой (представлением) сократился с года до шести месяцев (в гражданском и уголовном процессе) и имеет тенденцию дальнейшего уменьшения. Основания для отмены или изменения судебных актов во взаимосвязи с правилами последовательной проверки и единоличного рассмотрения судьей процессуальных обращений и процессуальной экономии приводит либо к быстрому исчерпанию возможностей судебной защиты, либо к допущению ошибки проверяющей инстанцией (в том числе судьей проверяющей инстанции) ввиду запредельной нагрузки. Постепенный отход от общего правила об исчерпывающем изложении мотивов судебного акта, выносимого судей (судом) проверяющей инстанцией, объясняется высокой нагрузкой на судью.

Представляется, что такое правовое регулирование

проверочного производства в высшем судебном органе в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов, по сути, должно собой являть квинтэссенцию справедливого судебного разбирательства лицам, участвующим в деле, а также потенциальным участникам процесса, обществу в целом, однако оно демонстрирует нарушение фундаментальных принципов судопроизводства. К сожалению, следует признать, что ни существующие правила производства, ни те, которые предлагаются в законопроектах, не соответствуют демократическим принципам процесса, к которым стремились авторы Концепции судебной реформы 1991 года.

§ 2.5. Российский механизм исправления судебной ошибки и европейские стандарты справедливого судебного разбирательства

Присоединение Российской Федерации к Конвенции[201] потребовало переосмысления процессуального законодательства, в частности, проверочных производств и приведения их в соответствие с требованиями стандарта справедливого судебного разбирательства, учитывая международные обязательства Российской Федерации[202] и часть 4 статьи 15 Конституции России о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы[203]. Однако прежде чем анализировать сущность критериев справедливого судебного разбирательства и сопоставить их с действующим правовым регулированием, а также оценивать эффективность механизма исправления судебной ошибки, необходимо отметить следующее.

При присоединении к Конвенции Россия не делала оговорок о принятии специальных правил рассмотрения дел и проверки судебных актов, что подразумевает признание государством их соответствующими. Этот же вывод следует из разъяснения Верховного Суда России[204] о том, что общепризнанные принципы международных актов действуют в Российской Федерации непосредственно, а также из постановления Конституционного Суда России от 14 июля 2015 года № 21-П.

Вместе с тем правоприменительная практика показывает, что в большинстве случаев при рассмотрении дел суды общей юрисдикции, а в последнее время и арбитражные суды, придерживаются правил, установленных в национальном законодательстве, и редко обращают внимание на стандарты справедливого судебного разбирательства. Причина такого положения дел видится в буквальном следовании императивным предписаниям процессуального законодательства, в котором воспроизведено положение пункта 1 статьи 120 Конституции России о том, что судьи независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону. Поскольку государство не вносило коррективы в свое правовое регулирование с учетом признанных общепризнанных принципов и норм международного права, то возникали коллизии, которые разрешались не в пользу граждан. Так, например, в постановлении по делу «Илюшкин и другие против Российской Федерации» от 17 апреля 2012 года, в

котором заявители жаловались на длительное неисполнение решений судов о предоставлении им жилья, Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) указал, что Закон о компенсации[205] должен широко толковаться в свете обязательств, возложенных на государства в соответствии с Конвенцией, среди которых находится обязательство предотвращать нарушения Конвенции на национальном уровне. Но изучение практики Верховного Суда России, сложившейся со времени вступления названного закона в силу, действие названного Закона не распространяется на заявления о компенсации за неисполнение судебных актов, предписывающих предоставление жилья, а те немногие решения, которые и были вынесены в пользу заявителей последовательно отменялись Верховным Судом России[206].

Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» был принят после пилотного постановления Европейского Суда (по жалобе «Бурдов против Российской Федерации» (№ 2) от 15 января 2009 года), в котором указал на обязанность государства-ответчика в течение шести месяцев предусмотреть эффективное внутреннее средство правовой защиты или комбинацию таких средств правовой защиты, которые обеспечат адекватное и достаточное возмещение вреда в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением решений национальных судов с учетом конвенционных принципов, установленных в прецедентной практике Суда. Данный пример как нельзя лучше демонстрирует всю ***непосредственность*** действия международных принципов и норм права.

Процессуальное законодательство не в полной мере соответствует принципам справедливого судебного разбирательства, что предопределяет необходимость их осмысления и имплементации в процессуальное законодательство с целью обеспечения действенной защиты прав, свобод и законных интересов эффективными правовыми способами.

Стандарты соблюдения прав, свобод и законных интересов в судебных и несудебных процедурах установлены в других международных актах, таких как Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция Содружества Независимых Государств

0 правах и основных свободах человека, участницей которых является Россия. Однако они не оказали существенного влияния

на правовое регулирование судебной процедуры рассмотрения споров и проверки судебных актов, поскольку отсутствовали действенные механизмы понуждения государства-ответчика к устранению выявленных нарушений. Поэтому долгое время провозглашенные права и свободы человека в международных актах оставались лишь недостижимым ориентиром.

Картина кардинально изменилась с ратификацией Россией Конвенции, отличие которой от иных международных актов в области защиты прав человека заключается в том, что она обладает эффективным механизмом реализации судебных актов Европейского Суда и постоянно совершенствуется посредством выработки единых подходов к решению выявленных проблем в соблюдении, обеспечении и судебной защите прав, свобод и законных интересов. Свидетельством их эффективности могут служить громкие заявления некоторых представителей власти о денонсации Конвенции, высказанные на политических форумах после резонансных дел, а также запрос группы депутатов Государственной Думы в Конституционный Суд России о проверке конституционности положений статьи

1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 АПК РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 УПК РФ. Реализация названных предложений не снимает обязанности с российских судов следовать принципам стандарта справедливого судебного разбирательства, поскольку аналогичные положения (статьи 6 Конвенции) содержатся и в других вышеупомянутых международных актах, участницей которых является Россия.

Отказ от стремления приводить национальное законодательство в соответствие со стандартами справедливого судебного разбирательства вернет Россию на прежние позиции, когда права и свободы, законные интересы были декларацией.

Центральное место в Конвенции занимает статья 6, которая воспроизводит правовые гарантии судебного разбирательства любого демократического общества. Положения данной статьи распространяются как на гражданский процесс, так и на уголовный, а также на административные процедуры, поскольку они представляют собой декриминализованные процедуры рассмотрения публичного спора. Требования статьи 6 Конвенции также распространяются на все стадии судебного процесса: от

суда первой инстанции до верховного суда государства, включая стадию исполнения судебного акта. Принципы справедливого судебного разбирательства обладают универсальностью и содержат как институциональные требования, так и функциональные (процедурные)[207]. В отечественной теории процессуального права к числу первых обычно относят положения: 1) об осуществлении правосудия только судом, 2) судом, созданным на основании закона, 3) единоличного и коллегиального рассмотрения дела, 4) независимости, 5) равенства всех перед законом и судом, 6) государственного языка, 7) гласности. Функциональные принципы – это законность, состязательность, диспозитивность, объективная истина, равноправие сторон, сочетание устности и письменности, непосредственность, непрерывность[208].

Вместе с тем стандарты справедливого судебного разбирательства в смысле перечня функциональных принципов намного шире. При этом положения частей 2 и 3 статьи 6 следует уяснять как дополнительные к тем, которые установлены в части 1 этой же статьи. Иными словами, цивилистический процесс априори предполагает все перечисленные гарантии справедливого судебного разбирательства, установленные в статье 6 Конвенции, а в уголовном (а равно и в административном) процессе справедливое судебное разбирательство должно исходить из презумпции невиновности (часть 2) и обеспечения минимального стандарта защиты (пункт 3) как гарантированный минимум прав.

Однако в теории гражданского процессуального права встречаются точки зрения, согласно которым названные правовые гарантии не воспринимаются целостно, а напротив – сугубо для гражданского (арбитражного) процесса предназначена часть 1, и для уголовного процесса предназначены части 2 и 3 статьи 6 Конвенции. Такое уяснение и применение норм и принципов Конвенции вступает в противоречие с целым рядом статей Конституции России.

Не разделяя такой подход, заметим, что функциональные принципы справедливого судебного разбирательства напрямую не вытекают из пункта 1 статьи 6 Конвенции, Европейский Суд их специально сформулировал с учетом идей Конвенции, содержащихся в иных частях статьи 6 Конвенции.

Согласно пункту 1 статьи 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство подразумевает соблюдение следующих требований:

– публичное разбирательство дела судом;

– независимым и беспристрастным судом;

– судом, созданным на основании закона;

– рассмотрения дела судом в разумный срок;

– осведомленность в отношении дела, затрагивающего права и свободы;

– свободно осуществлять процессуальные права;

– пользоваться бесплатной помощью переводчика или защитника, в случае незнания языка, на котором осуществляется судопроизводство и/или отсутствия денежных средств;

– соблюдения баланса частных и публичных интересов;

– соблюдения принципа правовой определенности.

Минимальный стандарт защиты (пункт 3 статьи 6 Конвенции) состоит из следующих принципов:

– быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

– иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

– защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

– допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

– пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

С учетом этого каждый из перечисленных принципов справедливого судебного разбирательства должен соблюдаться и обеспечиваться в российском процессуальном законодательстве, в том числе и на стадиях проверки вступивших в законную силу судебных актов. Кратко осветим, как понимаются названные принципы в практике Европейского Суда.

Не касаясь случаев, составляющих исключение из общего правила реализации принципа публичности судебного процесса, когда дело слушается в закрытом режиме, следует отметить, что он подразумевает как обеспечение доступа в суд, открытость судебных процессов, доступ общественности, так и осведомленность заинтересованных лиц о судебном процессе, доступ к документам дела, возможности их получения. Он реализуется посредством проведения комплекса мер по незамедлительному уведомлению заинтересованных лиц о имеющихся судебных документах по делу, затрагивающих их

права и свободы, законные интересы, и их опубликованию, предоставления свободного доступа для ознакомления с ними. Извещение заинтересованных лиц посредством направления судебных документов и актов ставит их в равное процессуальное положение с лицом, подавшим процессуальное обращение. Это позволяет заинтересованным лицам реализовать процессуальные права по своему усмотрению и эффективно использовать средства судебной защиты, а именно представление отзыва, возражения, личное участие в процессе или через своего представителя и другие.

Принцип независимости и беспристрастности суда находится в тесной взаимосвязи с предоставлением равных процессуальных возможностей сторонам дела, а именно извещения всех заинтересованных лиц и право быть услышанным в суде, которое предполагает, в том числе анализ контрдоводов судом относительно заявленных требований и их изложение в судебном акте. Проявление принципа независимости и беспристрастности суда имеет как объективные, так и субъективные аспекты.

Как правило в юридической литературе категории независимости и беспристрастности суда рассматриваются как неотъемлемые части порядка избрания и назначения судьи, учреждения того или иного суда[209]. Не умаляя важности этих аспектов, необходимо отметить, что важно обеспечить процедурный аспект этого принципа.

Независимость и беспристрастность следует рассматривать как процессуальный аспект – предоставление равных процессуальных возможностей на стадии проверки вступивших в законную силу судебных актов, что исключает нарушение принципа равноправия сторон в судебном процессе и содействует эффективной защите прав, свобод и законных интересов. В таком случае у другой стороны, участвующей в деле, у потенциальных участников споров, а также у общества, наблюдающему за ходом судебного разбирательства, не создается впечатления о заслушивании судом мнения лишь одной стороны дела. Практика Европейского Суда показывает, что этот принцип подразумевает отсутствие прекаризации, контроля со стороны должностных лиц и несудебных органов.

Принцип рассмотрения дела судом, созданным на основании закона, предполагает осуществление судопроизводства судом, учреждение которого было реализовано посредством принятия закона парламентом. Учреждение компетентного суда подразумевает разрешение им дел, подпадающих под его юрисдикцию (подведомственность, подсудность). Полномочия соответствующего суда реализовываются единоличного или

коллегиально в зависимости от предусмотренной процедуры, круга правовых вопросов, разрешаемых на данной стадии процесса.

Требование статьи 6 Конвенции быть осведомленным в отношении дела предполагает привлечение к участию в деле лица, чьи права, свободы и законные интересы им затрагиваются. Независимо от их процессуального положения в деле такие лица должны извещаться судом о времени и месте рассмотрения спора и о поступивших в суд документах. Принцип осведомленности в отношении дела, затрагивающего права и свободы, также взаимосвязан с принципом публичности судебного разбирательства и свободного осуществления процессуальных прав. Осведомленность в отношении положения дела, о представленных доказательствах по делу или замечаниях на них, позволяет осуществлять процессуальные права и состязаться со стороной дела на равных.

Принцип свободного осуществления процессуальных прав касается правил поведения лиц, участвующих в деле, в суде. Правила должны обеспечивать равные процессуальные возможности и обязанности с лицом, инициировавшим судебный процесс, а также гарантировать на протяжении всего судебного разбирательства соблюдение данного требования. Свободное осуществление процессуальных прав и выполнение обязанностей возможно при наличии достаточного времени для подготовки к их реализации. Оперативное получение информации о состоянии дела, об аргументах другой стороны спора позволяет лицу надлежащим образом подготовиться к реализации своих процессуальных прав, дает ему свободу выбора правовых средств, которые он может использовать для своей защиты: участвовать в судебном процессе через представителя, которого надо выбрать, либо лично, либо подготовить процессуальный документ и так далее. Поэтому данный принцип тесно переплетается с базовым требованием иметь достаточное время и возможность для подготовки своей защиты.

Принцип соблюдения баланса частных и публичных интересов знаком российскому праву, но имеет иные формулировки: осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (часть 3 статьи 17 Конституции России). Названный конституционный принцип воплощается и в процессуальном законодательстве, в том числе при определении процессуальных прав и условий обжалования (а равно оспаривания (нормативных) правовых актов) вынесенных судебных актов, полномочий суда, оснований для отмены или изменения судебных постановлений.

Имплементация данного принципа зависит от реализации ранее изложенных способов воплощения в жизнь требований статьи 6 Конвенции, особенно в части создания равного процессуального положения в деле.

Принцип соблюдения баланса частных и публичных интересов, принцип рациональности решений и их обоснованности и законности составляют основу справедливости судебного разбирательства. Судебное решение как результат справедливого судебного разбирательства должно содержать его обоснование и решать все заявленные требования по делу. Аргументированное изложение мотивов судебного акта позволяет понять лицам, участвующим в деле, потенциальным участникам спора, обществу в целом, почему суд пришел к данному итогу слушаний, и на каких нормах права он основан. Европейский Суд в постановлении по жалобе

«Красуля против России» от 22 февраля 2007 года напомнил, что «пункт 1 статьи 6 Конвенции обязывает суды мотивировать свои решения»[210]. Комитет в приложении к Рекомендации R(84)5, принятой 28 февраля 1984 года, отметил, что в судебном решении должна быть ссылка на любую норму права, и в нем, безусловно, должны быть решены все вопросы, связанные с доводами сторон.

Принцип рассмотрения дела судом в разумный срок является сложным критерием справедливого судебного разбирательства, который состоит из следующих аспектов: сложность дела, собственное поведение заявителя, последствия несоблюдения разумного срока для заявителей, оперативность работы судебных органов, – в контексте которых Европейский Суд оценивает его соблюдение государством-ответчиком. Требование соблюдения разумного срока рассмотрения дела охватывает общую продолжительность судебного разбирательства, включая стадию исполнения судебного акта и обжалование судебного акта в вышестоящем суде.

Принцип соблюдения правовой определенности предполагает создание адекватных санкционированных государством в законе правил защиты прав, свобод и законных интересов и стабильности результата судебного разбирательства. Имплементация данного принципа напрямую зависит от правового регулирования полномочий суда, в том числе проверяющих судебных инстанций, их количества, задач, которые стоят на каждой стадии процесса, содержания судебных актов.

Требование обеспечить бесплатной помощью переводчика или защитника, в случае незнания языка, на котором осуществляется судопроизводство и/или отсутствия денежных

средств, означает реальную возможность осуществления процессуальных прав и выполнения обязанностей в процессе, понимая смысл правовой позиции по делу и действий других участников процесса.

Что касается минимального стандарта защиты, то его цель заключается в том, чтобы лицо не оставалось наедине с обвинением без средств защиты, но для его применения необходимо предъявление обвинения.

Сопоставление принципов процессуального законодательства и концепции справедливого судебного разбирательства позволяет сделать вывод, что часть принципов уже знакома национальному праву, а другая часть – лишь по постановлениям Европейского Суда по жалобам против Российской Федерации. С учетом необходимости приведения национального процессуального законодательства в соответствие с требованиями стандарта справедливого судебного разбирательства и проводимой унификации процессуального законодательства, следует имплантировать те принципы, которые еще не воспроизведены в процессуальном законодательстве, а уже имеющиеся – переосмыслить в свете прецедентной практики Европейского Суда. Воспроизведение уже закрепленных принципов судебного процесса в новом кодексе гражданского судопроизводства не будет соответствовать задачам и цели судопроизводства. Их необходимо осмыслить с учетом исторического опыта, сущности и динамичности их развития, судебной практики, в том числе Европейского Суда.

В последнем случае это способствовало бы выработке тех положений процессуального законодательства, которые не только отвечали бы потребностям современного демократичного общества, но и долго сохраняли свою актуальность. Такой подход используется в Рекомендации Rec (2004)5 Комитета по проверке совместимости законопроектов, действующих законов и правоприменительной практики со стандартами, установленными в Конвенции, принятой 12 мая 2004 года на 114-ой сессии.

Требуется уяснение необходимости синхронизации извещения заинтересованных лиц о деле и размещения сведений о положении дела на официальных сайтах судов как гарантия обеспечения принципов справедливого судебного разбирательства: публичности судебного процесса, быть осведомленным в отношении своего дела, свободного осуществления процессуальных прав. В настоящее время, эти действия видятся властью как самостоятельные и обязанность их совершения лежит на разных работниках аппарата судов. При этом актуализация данных по делам, находящихся в производстве

суда общей юрисдикции, осуществляется по остаточному принципу. Результатом такого понимания является неосведомленность лиц, участвующих в деле, ввиду несвоевременной отправке/доставке судебной корреспонденции, и отсутствия актуальной информации о положении дела на официальном сайте суда, особенно судов общей юрисдикции. Как следствие этого, лица, участвующие в деле, не имеют возможности свободно реализовывать процессуальные права в суде, в том числе в проверочной инстанции, которая не интерпретирует отсутствие информации на официальном сайте суда и судебного извещения в деле как нарушение фундаментального принципа судопроизводства. Между тем, размещение информации о положении дела и совершения судьей процессуальных действий на официальном сайте суда является проявление принципа публичности процесса, несоблюдение которого также должно оцениваться как основание для отмены судебных актов.

Также нужно переосмыслить используемые в процессуальном законодательстве термины. Употребление в Конвенции словосочетания «разумный срок» обусловлено наднациональным характером этого международного акта и правилами законодательной техники: применение приема абстрагирования при формулировании общего правила своевременности судебной защиты. Иначе Конвенция изобиловала бы казуистическими примерами национального регулирования процессуальных сроков рассмотрения и разрешения дел различных категорий стран – участниц Конвенции, что недопустимо.

Как отмечает Филатова М.А., обзор законодательства стран Европы позволяет прийти к выводу о том, что включение критерия разумного срока как составного элемента концепции справедливого судебного разбирательства «повлекло за собой пересмотр роли суда в управлении ходом судебного разбирательства» в странах-участницах в сторону установления оптимальных сроков совершения процессуальных действий[211].

В России же процессуальные сроки рассмотрения и разрешения судом дела были установлены законодателем, полагающим их достаточно оптимальными для осуществления правосудия. Об этом свидетельствует стабильность норм гражданского процессуального законодательства в этой части.

Резонно осуществлять имплементацию норм и принципов международного права с учетом имеющихся общих подходов к решению проблем судебной системы, а именно следующих рекомендаций, принятых Комитетом на основании и во исполнение соблюдения Конвенции:

– Рекомендация R(84)5 относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы, принятая 28 февраля 1984 года;

– Рекомендация R(94)12 о независимости, эффективности и роли судей;

– Резолюция ResDH (2005/20) от 5 октября 2005 года;

– Промежуточная Резолюция ResDH (2006)1 от 8 февраля 2006 года.

При этом первые две Рекомендации носят общий характер для национальной судебной системы, что подразумевает учет выработанных европейских стандартов правосудия, поскольку они обязательны лишь в отношении государств – членов Европейского Союза. Российская Федерации не является его членом, но в рамках международных обязательств, принятых при ратификации названной Конвенции может лишь в качестве доброй воли учитывать предыдущий опыт европейских стран и предложения Комитета.

Относительно двух последних резолюций необходимо отметить, что они приняты касательно нарушений принципа правовой определенности надзорным производством в гражданском процессе Российской Федерации. В связи с этим требования Резолюции Комитета ResDH (2005/20) от 5 октября 2005 года и Промежуточной Резолюции Комитета ResDH (2006)1 от 8 февраля 2006 года носят обязательный характер в свете международных обязательств России. В данных документах сформулированы следующие требования к Российской Федерации по организации судебного процесса и органов судебной власти для соответствия европейским стандартам правосудия:

– соблюсти принцип правовой определенности;

– унифицировать процедуры и обеспечить их эффективность;

– сократить многоступенчатость проверок;

– устранить дискреционные полномочия;

– устранить неоднократность возобновления проверочных производств;

– сформулировать основания проверки судебных актов;

– ограничить срок на подачу надзорных жалоб;

– обеспечить соблюдение требований справедливого судебного разбирательства;

– препятствовать злоупотреблению правами и эффекту «скрытой апелляции»;

– обеспечить исправление судебной ошибки до вступления в законную силу судебного акта.

Исходя из этого, применительно к проверочным

производствам вступивших в законную силу судебных актов можно сделать следующие выводы.

Анализ действующего правового регулирования в части воспроизведения принципов справедливого судебного разбирательства и проверочных производств позволяет сделать вывод о том, что российское процессуальное законодательство не в полной мере соответствует стандарту справедливого судебного разбирательства, воспроизведенного в статье 6 Конвенции. Коллизии возникают из-за правовых пробелов процессуальных кодексов как в части воспроизведения принципов судебного процесса, так и в правовом регулировании проверочных производств. Наиболее яркие противоречия обнаруживаются в производствах проверки вступивших в законную силу судебных актов.

Вследствие отсутствия в процессуальном законодательстве указанных принципов в контексте толкования Европейского Суда национальные правила проверочных производств нельзя считать эффективным правовым механизмом исправления судебной ошибки.

В целях устранения имеющихся коллизий и действенного обеспечения правосудием прав, свобод и законных интересов, повышения эффективности механизмов исправления судебной ошибки необходимо воспроизвести принципы справедливого судебного разбирательства в процессуальном законодательстве, в том числе обеспечить их реализацию на стадии проверки вступивших в законную силу судебных актов.

Алгоритм процессуальных действий, совершаемых судом (судьей) и лицами, участвующими в деле, должен обеспечивать реализацию всех принципов, которые составляют стандарт справедливого судебного разбирательства. Исходя из этого, проверка вступивших в законную силу судебных актов может быть выражена следующей последовательностью действий и им сопутствующих процессуальных прав и обязанностей.

По истечении установленного законом срока для проверки приемлемости поступившего процессуального обращения необходимо установить процессуальную обязанность (судьи) суда выносить судебный акт либо о принятии его к производству, либо о возвращении или об оставлении без движения. В первом случае копия судебного акта должна направляться лицам, участвующим в деле, в котором им сообщается право представления своих отзывов на жалобу до истечения установленного в законе срока (до рассмотрения дела проверочной инстанцией). А во втором случае исчерпывающим образом должны быть указаны причины возвращения или оставления без движения жалобы

(представления) и правовые последствия неустранения причин, послуживших основаниями для изменения их статуса.

Судебный акт является результатом реагирования на процессуальные обращения граждан и организаций, который должен содержать обоснование того, почему суд пришел к именно к данному итогу слушания дела и на каких нормах права оно основано, а также исчерпывающим образом отвечать на поставленные правовые вопросы и возражения на каждом этапе разбирательства.

Срок направления судебных документов и судебных актов должен обеспечивать принципы равенства исходных условий и публичности, а также демонстрировать оперативность работы суда в целях соблюдения разумного срока рассмотрения дела. Важная роль отведена суду (судье) в процессе непосредственно управления ходом судебного разбирательства – он может предписывать совершать процессуальные действия в определенный срок не только для заинтересованных лиц, но и для нижестоящих судов.

Извещение заинтересованных лиц о поступлении в суд проверяющей инстанции процессуального обращения, оспаривающего вступивший в законную силу судебные акты, ставит их в равное положение с лицом, инициирующим проверку, и позволяет реализовывать процессуальные права и обязанности, заблаговременно и надлежащим образом подготовиться. Извещение также должно включать сообщение способов коммуникации с судом и порядок обеспечения доступа в суд, в том числе для ознакомления с делом и судебными документами, актами.

Поступившие отзывы и возражения относительно просьбы лица, инициировавшего проверку судебного акта, должны наравне с жалобой оцениваться судом и отражаться в судебных актах проверочной инстанции: краткого содержания отзывов и возражений, поступивших на жалобу (представление прокурора) – доводы и контрдоводы обращений.

Сочетание единоличного и коллегиального рассмотрения дела судом должно обеспечивать реальный доступ в компетентный суд. Единоличное рассмотрение процессуальных обращений, помимо рассмотрения дела, не должно подменять судебную инстанцию на этапах разрешения правового вопроса о наличии либо отсутствии оснований для отмены (изменения) вступившего в законную силу судебных актов на этапах изучения жалобы (представления прокурора).

Заключение

Изучение памятников права позволило наглядно продемонстрировать повторяющиеся преобразования отечественной судебной системы, их закономерности и причины.

В контексте законов диалектики эволюцию отечественной судебной системы можно было бы представить в виде спирали, где линией, ее образующей, является иерархия судебной системы. При этом она как линия более низкого порядка представляет собой унификацию и дифференциацию специализации судей по рассмотрению и разрешению дел, подсудности и подведомственности дел, централизацию и децентрализацию судебного контроля, и как следствие перераспределение полномочий между судебными инстанциями. Уменьшение или увеличение количества судебных инстанций происходит одновременно с изменением административно-территориальным делением государства и принципов государственного управления.

В зависимости от того, какой орган власти (судебный или несудебный) возглавляет судебную систему и осуществляет проверку решений суда, происходит корреляция ее принципов и порядка исправления судебных ошибок.

Правовой механизм исправления судебных ошибок возникает в условиях инстанционности судебной системы и сосредотачивается в высшем органе власти государства, и лишь после разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную он функционирует только в тех судебных инстанциях, которые считаются верховными в соответствующем субъекте государства (союза, федерации). Его ретрансляция обусловлена воспроизведением особенностей государственного устройства и стремлением суверена через исправление судебной ошибки обеспечить единство судебной практики и единство правового пространства.

Таким образом, цель правосудия обладает диалектическим триединством: защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; формирование единства судебной практики и единства правового пространства.

Заинтересованность власти к отдельным категориям дел и субъектному составу лиц способствует установлению эффективных правил судебной защиты (например, дела «торговых людей» и дела по экономическим спорам, политические дела). И наоборот, отсутствие заинтересованности государства обуславливает проблемы в правовом регулировании судебной защиты прав, свобод и законных интересов. Внешняя и

внутренняя политика предопределяет правила подсудности дел, касающиеся публичного интереса, и порядок их рассмотрения, методы проверки судебных актов.

Судебная система с 1917 года по настоящее время повторила гипервиток своего предыдущего развития (хотя и в более сжатые сроки) и снова достигла критического значения в количестве судебных инстанций. Сейчас она находится в точке бифуркации, но следующая стадия еще не наступила. Подтверждением этому служат предложения об упразднении судебных инстанций, учреждении единой судебной системы и прочие.

Текущий цикл связан с обеспечением единства судебной практики посредством объединения Верховного Суда России и Высшего Арбитражного Суда России. Действующая система является переходной (нестабильной). К внешним факторам воздействия на судебную систему следует отнести внешние угрозы безопасности, смену политического режима и экономического курса, изменение методов государственного управления и административно-территориального деления страны, циклы деловой активности и инвестиционный климат. К внутренним факторам воздействия на судебную систему, которые приводят к ее трансформации, относятся: увеличение правовых споров, находящихся в производстве судов; значительная судебная нагрузка и неэффективность проверки судебных актов; правила подсудности и подведомственности споров; множественность судебных инстанций; длительность судопроизводства и неоднократность проверки вступивших в законную силу судебных актов.

В результате влияния внешних факторов происходят структурные изменения судебной системы и изменения в правилах осуществления правосудия, в механизме исправления судебных ошибок, компетенции судебных инстанций и в качестве правосудия. Этот процесс рассматривается не как линейный, а как спиралевидный, имеющий свои закономерности и циклы.

Поступательность развития и повторение кризисов судебной системы дает основание сделать ряд теоретических и практических выводов о закономерностях ее диалектического развития: повторения, самоподобия, усложнения и упрощения, унификации и специализации, и так далее. Это облегчает понимание процессов, происходящих в судебной системе и дает возможность делать прогнозы, строить планы по уравновешиванию судебной системы с целью повышения ее эффективности.

Фенологический подход к изучению судебной системы России позволил сделать вывод о том, что она является сложной

многоуровневой системой, состоящей из самостоятельных систем: судов общей юрисдикции, арбитражных судов, и обособленных Конституционного Суда России и конституционных уставных судов субъектов Российской Федерации. При этом система судов общей юрисдикции состоит из районных судов, городских судов, межрайонных судов; верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области, судов автономных округов; военных судов. Система судов общей юрисдикции представляет собой совокупность не милитаризованных судов (для гражданского населения) и военных судов.

Судебная система России является открытой многоуровневой целенаправленной системой, которая изменяет свое состояние при взаимодействии с внешними и внутренними факторами. Также ее можно охарактеризовать как динамичную, поскольку она изменяет свое состояние под влиянием внешних и внутренних факторов воздействия. В контексте того, что судебная система выступает элементом более сложной системы высшего порядка она выполняет ряд функций по стабилизации всей системы органов государственной власти и общества в целом. При этом стабилизирующая функция реализуется через конституционные задачи правосудия, нормоконтроль, восполнение правовых пробелов в законе и разъяснений его неясностей, воспитание правосознания и уважение к закону и суду, предупреждение правонарушений, и укрепление законности и правопорядка.

Уважение к закону и суду формируется, а равно обеспечивается правопорядок и законность в стране в том числе посредством правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов правильного рассмотрения. Неотъемлемый элементом справедливого судебного разбирательства является законный и обоснованный судебный акт. Он выступает как результат процессуальной деятельности суда, должен содержать нормы права и давать ответы участникам разбирательства почему так, а не иначе решен правовой спор, что в свете возложенных на государство обязанностей будет воспитанием через правовую пропаганду: доступное изложение правоположений в судебном акте и аргументированность выводов суда применительно к конкретному спору. Уяснений правильной правовой позиции по делу способствует предупреждению правонарушений, укреплению законности и правопорядка.

Отсутствие мотивов к конкретному разрешению правового

спора и выбору применяемых норм права в данном случае в судебном акте не позволяет лицам, участвующим в деле, потенциальным участникам процесса, обществу в целом, а также субъектам законодательной инициативы понять, почему в рассматриваемом судом случае нарушены права, свободы и законные интересы человека и гражданина (а равно организаций), и как надлежит поступать, чтоб не допустить в будущем подобного нарушения. На этом основании, полагаю, что отказ законодателя от общего правила обязательного мотивированного судебного акта не соответствует задачам и цели правосудия, подрывает авторитет судебной власти и не способствует укреплению законности и правопорядка в стране.

Анализ истории возникновения и развития отечественной судебной системы позволил выявить взаимосвязи проблем обеспечения единства судебной практики, единства правового пространства и количества судебных инстанций и их полномочий через призму масштабов государства и численности населения, взаимосвязи вопросов государственного управления от масштабов государства, и традиции преобразований государственной власти. Судебная система находится в динамичном состоянии вследствие структурных преобразований исполнительной власти, ее территориальной юрисдикции.

В целях действенного обеспечения правосудием прав, свобод и законных интересов человека и гражданина необходима централизация всей судебной системы и унификация правил ее функционирования. Выстраивание централизованной и сбалансированной системы возможно, если в качестве принципа определения судебного участка – территориальной единицы, на которую распространяется юрисдикция суда, будет выступать оптимальная численность населения, у которой возникают правовые споры количеством чуть менее той, что соответствует предельной нагрузки на судей (норматив нагрузки на судей). При этом указанная дельта должна покрывать процент ежегодного прироста (динамики) дел. В свою очередь, вышестоящие судебные инстанции (апелляция и ревизия) и количество их судей должны сохранять тот же принцип формирования территориальной юрисдикции.

Численности населения судебного участка и территориальной юрисдикции органа исполнительной власти не должны совпадать не только как гарантия независимости судей, а в силу того, что деятельность судебной власти предполагает более трудоемкий процесс рассмотрения правового спора и вследствие этого сохраняется постоянно высокая судебная нагрузка, чем осуществление управления той же территорией.

Экономические циклы и рост численности населения являются мощными внешними факторами увеличения дел, поступающих в суды дел на разрешение. В год наступления экономического кризиса происходит рост числа обращений в суды, а в последующие за ним годы наблюдается пик роста. В большинстве случаев это обусловлено тем, что потенциальные участники процесса сначала пытаются во внесудебном (досудебном) порядке урегулировать возникший спор, и лишь не снискав удовлетворения своих требований к контрагенту, обращаются за судебной защитой. При нарастающей волнообразной динамике поступления дел в суды Российской Федерации количество судебных участков остается относительно стабильным, что приводит к дестабилизации судебной системы. Отрицание объективной потребности установления новых адекватных нормативных нагрузок на судью приводит к тому, что вступает в действие второй закон диалектики, а именно переход количественных изменений в качественные. С увеличением количества дел на одного российского судью наблюдается рост судебных ошибок. Также нарастает количество латентных судебных ошибок, поскольку трансформируются правила проверки правосудности судебных актов как ответ на вызов. Это ведет к утрате доверия к судам и к системе органов государственной власти в целом.

Рассмотрение взаимосвязи экономических циклов и функционирования судебной системы позволяет осмыслить косвенную связь между этими явлениями, и, следовательно, необходимость внесения корректив в государственную политику по развитию судебной системы, перераспределению полномочий властных органов, в том числе судебных, принимать взвешенные и адекватные ситуации целевые программы. Поддержание стабильности судебной системы в условиях динамичного развития общества и государства должно осуществляться перманентно с учетом достижения пороговых значений нагрузки на судей, постоянного мониторинга судебной статистики и анализа динамики категорий дел, а также циклических колебаний, которые оказывают влияние на траекторию экономического развития в нашей стране. При этом оно должно осуществляться с участием органов исполнительной власти, в компетенцию которых входит сбор и анализ статистических данных, отслеживание деловой активности (экономических показателей) и их регулирование, финансирование федеральных целевых программ.

Неспособность адекватного реагирования государства на рост дел в период экономических и демографических потрясений

приводит к кризису судебной системы, а далее – общества и государства. Также этот тезис будет справедлив и в отношении планирования социально экономического развития страны, которое должно идти рука об руку с корреляцией требований, предъявляемых к судебной системе в прогнозируемом временном горизонте.

Развитие отечественной судебной системы свидетельствует о том, что в основу реформ и контрреформ положен этатизм. Смена политического, экономического и социального курсов оказывает влияние на приоритет публичных интересов, охраняемых законом, и механизм обеспечения единства судебной практики и правового пространства. Ввиду этого, вплоть до принятия Конституции России преобразования судебной системы производились своеобразно реформированию органов управления, что отражалось на принципах и механизме проверки судебных актов. С разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную власть произошла децентрализация полномочий суверена, что является условием перманентной полемики по вопросам обязательности разъяснений высшего судебного органа государства, реформирования судебной системы и правил ее функционирования. При этом чем больше у того или иного представителя политической элиты возможности влиять на принятие решений, тем острее конфликт идей. Политические амбиции чиновников влияют на формирование правил функционирования и структуру судебной системы. Право выступает полем противоборства идей политической элиты. Ввиду этого, реализация Концепции и федеральных целевых программ свидетельствует о прохождении в новейшей истории нового гипервитка по законам диалектики: отрицание отрицания, переход количества в качество, и единство и борьба противоположностей.

Концепция развития судебной системы вступает в противоречие со статикой судоустройства и правилами ее функционирования, а многообразие судов не способствует формированию единства судебной практики и единства правового пространства, тем более защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Правила функционирования судебной системы, а особенно той ее части, которая имеет иерархию, ориентированы на демонстрацию качества правосудия, а не на действенное его обеспечение. Примеров неудачного воплощения программных задач можно приводить бесконечное множество, но наша миссия не в том, чтоб указывать на следствие, а в том, чтобы обратить внимание элиты на то, что формирование планов развития, в том числе судебной

системы, должно опираться на анализ причинноследственных отношений, внешних и внутренних факторов влияния на объект регулирования.

Циклическое повторение наблюдается и в правилах функционирования судебной системы, ее структуры и полномочий. При этом переход к «новой» правовой модели начинается с отказа от прежней, а также отказа от правил реализации полномочий соответствующих судебных инстанций. Отказ от прежнего правового регулирования обусловлен недостатками судебной системы, которые порождены названными диалектическими закономерностями.

В основу алгоритма порядка проверки правосудности судебных актов, вступивших в законную силу, был положен приоритет публичных интересов, который в настоящее время сменился приоритетом признания, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; единство судебной практики и единство правового пространства. Смена политической парадигмы должна найти адекватное отражение в правовом регулировании как материального, так и процессуального права. В последнем случае, правила судопроизводства, в том числе на стадиях проверки судебных актов, вступивших в законную силу, должны строиться на демократических началах.

Однако в настоящее время правовое регулирование проверочного производства в высшем судебном органе в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а равно кассационное производство в системе судов общей юрисдикции, которое, по сути, должно собой являть квинтэссенцию справедливого судебного разбирательства лицам, участвующим в деле, а также потенциальным участникам процесса, обществу в целом, демонстрирует их нарушение. К сожалению, следует признать, что ни существующие правила производства, ни те, которые предлагаются в законопроектах, не соответствуют демократическим принципам процесса, к которым стремились авторы Концепции судебной реформы 1991 года. Кроме того, они нарушают основополагающие принципы справедливого судебного разбирательства, воспроизведенные в статье 6 Конвенции.

Анализ действующего правового регулирования в части воспроизведения принципов справедливого судебного разбирательства и проверочных производств позволяет сделать вывод о том, что российское процессуальное законодательство не в полной мере соответствует стандарту справедливого судебного разбирательства, воспроизведенного в статье 6 Конвенции. Коллизии возникают из-за правовых пробелов процессуальных

кодексов, как в части воспроизведения этих принципов судебного процесса, так и в правовом регулировании проверочных производств. Наиболее яркие противоречия обнаруживаются в производствах проверки вступивших в законную силу судебных актов, осуществляемой в Верховном суде государства. Вследствие отсутствия в правовом регулировании судопроизводства указанных принципов в контексте толкования Европейского Суда правила проверочных производств нельзя считать эффективным правовым механизмом исправления судебной ошибки.

В целях устранения коллизий, действенного обеспечения прав, свобод и законных интересов правосудием, а также повышения эффективности механизмов исправления судебной ошибки необходимо воспроизвести требования справедливого судебного разбирательства. При этом необходимо переосмысление как используемых терминов в процессуальном законодательстве, так и формы совершения процессуальных действий суда, а именно использование компьютерной техники и информационых технологий, сети Интернет.

Алгоритм процессуальных действий, совершаемых судом (судьей) и лицами, участвующими в деле, должен обеспечивать реализацию всех принципов, которые образуют стандарт справедливого судебного разбирательства. Исходя из этого, проверка вступивших в законную силу судебных актов может быть выражена следующей последовательностью действий и им сопутствующих процессуальных прав и обязанностей.

По истечении установленного законом срока для проверки приемлемости поступившего процессуального обращения необходимо установить процессуальную обязанность суда выносить судебный акт: либо о принятии его к производству, либо о возвращении или об оставлении без движения поступившей жалобы (представления прокурора). В первом случае лицам, участвующим в деле, должна направляться копия судебного акта, в котором им сообщается возможности представления своих отзывов на жалобу до истечения установленного в законе срока (до рассмотрения дела проверочной инстанцией). Срок направления судебных документов и судебных актов должен обеспечивать принципы равенства исходных условий и публичности, а также демонстрировать оперативность работы суда в целях соблюдения разумного срока рассмотрения дела. Важная роль отведена в процессе управления ходом судебного разбирательства непосредственно суду (судье), который может предписывать совершать процессуальные действия в определенный срок не только для заинтересованных лиц, но для нижестоящих судов.

Извещение заинтересованных лиц о поступлении в суд проверяющей инстанции процессуального прошения, оспаривающего вступивший в законную силу судебных актов, ставит их в равное положение с лицом, инициирующим проверку, и позволяет реализовывать процессуальные права и обязанности, заблаговременно и надлежащим образом подготовившись. Извещение также должно включать сообщение способов коммуникации с судом и порядок обеспечения доступа в суд, в том числе для ознакомления с делом и судебными документами, актами.

Поступившие отзывы и возражения относительно просьбы лица, инициировавшего проверку судебного акта, должны наравне с жалобой оцениваться судом и отражаться в судебных актах проверочной инстанции: в виде краткого содержания отзывов и возражений, поступивших на жалобу (представление прокурора) – доводы и контрдоводы обращений.

Сочетание единоличного и коллегиального рассмотрения дела судом должно обеспечивать реальный доступ в компетентный суд и не подменять судебную инстанцию на этапах разрешения правового вопроса о наличии либо отсутствии оснований для отмены (изменения) вступившего в законную силу судебных актов.

Приведение национального процессуального законодательства и законодательства о судебной системе в соответствие с требованиями Конвенции будет способствовать действенному обеспечению правосудием прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

notes

Примечания

1

Пояснительная записка к проекту федерального закона № 393115-4 «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://asozd2.duma.gov.ru (дата обращения 01.08.2015).

2

Пояснительная записка к проекту федерального закона № 451414-6 «О внесении изменений в статьи 402.2, 421.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://asozd2.duma.gov.ru (дата обращения 01.08.2015).

3

Готье Ю. Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. – М.: Книгоиздательство ОБЪЕДИНЕНИЕ, 1915. – С. 26.

Готье Ю. Указ. соч. – С.18.

5

Так в первых четырех статьях Новгородской судной грамоты можно прочесть, что «Нареченному на архиепископство Великого Новагорода и Пскова священному иноку Феофилу судити суд свои…», «а посаднику судити суд свой…», «а тысецкому судить свой суд» // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. TI. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 304.

6

Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. – М.: Книгоиздательство ОБЪЕДИНЕНИЕ, 1915. – С. 65.

«а ударять ми на нихъ челом, и мне князю великому велѣти стати собою на срок» / Двинская уставная грамота 1397 г. [Электронный ресурс]. URL: http:// law.edu.ru (дата обращения 31.05.2015).

«кто не иметь ходити по сей грамотъ, быти отъ мене отъ великого князя въ казни» / Там же.

Черепин Л.В. Памятники русского права. – М., 1955. – С. 387.

10

См. напр., Судебник 1497 г. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие / Под ред. Титова Ю.П. – М.: ПРОСПЕКТ, 2001. – С. 36.

11

«жалобник к боярину приидет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемъ, которым пригоже» (статья 2 Судебник 1497 года). Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие / Под ред. Титова Ю.П. – М.: ПРОСПЕКТ, 2001. – С. 36.

12

Там же. – С. 36.

13

Там же. – С. 36.

Там же. – С. 42.

Там же. – С. 43.

Хрестоматия по истории государства и права России. – С. 57.

17

Там же. – С. 57.

18

См. ст. 21 Соборного Уложения 1649 года. Хрестоматия по истории государства и права России. – С. 59.

19

Указ об учреждении Правительствующего Сената от 22 февраля 1711 года / Законодательство Петра I. – М.: Юрид. лит., 1997. – С. 72.

Хрестоматия по истории государства и права России. – С.149.

21

Именной указ о поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства от 02 марта 1711 года // Законодательство Петра I. – М.: Юрид. лит., 1997. – С. 72.

22

Краткое изображение процессов или судебных тяжб, от марта 1715 года. Хрестоматия по истории государства и права России. – С. 154–168.

23

Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие / Под ред. Титова Ю.П. – М.: ПРОСПЕКТ, 2001. – С. 214.

24

Указ о должности Генерал-прокурора от 27 января 1722 / Законодательство Петра I. – М.: Юрид. лит., 1997. – С. 133.

25

Указ о бытии помещичьи людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков, и о неподавании челобитен в Собственные Ея Величества Руки от 22 августа 1767 года. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие / Под ред. Титова Ю.П. – М.: ПРОСПЕКТ, 2001. – С. 221.

26

Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 07 ноября 1775 года. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие / Под ред. Титова Ю.П. – М.: ПРОСПЕКТ, 2001. – С. 223.

27

Манифест об учреждении министерств от 08 сентября 1802 года. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие / Под ред. Титова Ю.П. – М.: ПРОСПЕКТ, 2001. – С. 232.

28

Указ о присоединении Особенной канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии от 03 июля 1826 года. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие / Под ред. Титова Ю.П. – М.: ПРОСПЕКТ, 2001. – С. 235.

29

Учреждение Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений от 26 февраля 1895 года. Свод учреждений Государственных. Т. 1 Ч. 2. – М., 1906. – С. 350.

30

Свод учреждений Государственных. Т. 1 Ч. 2. – М., 1906. – С. 350.

31

Манифест о всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта от 18 февраля 1861 года. Хрестоматия по истории государства и права России. Учебное пособие / Под ред. Титова Ю.П. – М.: ПРОСПЕКТ, 2001. – С. 237.

32

Имеются ввиду принятые 20 ноября 1864 года Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Учреждение судебных установлений.

33

См. статью 5 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 года / Реформы Александра II. – М.: Юрид. лит., 1998. – С. 278.

34

Магазинер Я.М. Общее учение о государстве. Курс лекций. – СПб.: 1922. – С. 51–67.

35

Пересмотр решения суда является прообразом современного института пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений.

Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 20.

37

Закон от 09 мая 1878 года «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях» // Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 21.

38

См. Революционный катехизис русского эмигранта М. Бакунина, напечатанный в Emancipationskampf des vierten Standes, von K.Meyer. Berlin. 1875.

39

Безобразов В.П. О значении науки образования должностных лиц в государственном управлении // Сборник государственных знаний. Т VII. – СПб.: 1879. – С. 354.

СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50

41

Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 года № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

СУ РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

43

Там же.

Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 марта 1921 года «Положение о высшем судебном контроле» // СУ РСФСР 1921. № 15. Ст. 97.

Постановление ВЦИК от 28 мая 1922 года «Положение о прокурорском надзоре» // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

46

Еженедельник советской юстиции. № 12–13. 1924. – С. 298.

47

Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 года «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 55. Ст. 655.

Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 года «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 55. Ст. 655.

СУ РСФСР 1930. № 55. Ст. 655.

СУ РСФСР. 1926. № 91. Ст. 666.

СУ РСФСР 1929. № 87–88. Ст. 851.

СУ РСФСР 1930. № 29. Ст. 214.

Закон СССР от 16.08.1938 «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР 1938. № 11.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 17. Ст. 360.

Закон РСФСР от 27 октября 1960 года «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Закон РСФСР от 11 июня 1964 года «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости РСФСР 1964. № 24. Ст. 407.

Закон РСФСР от 08 июля 1981 года «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости РСФСР 1981. № 28. Ст. 976.

59

Постановление Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Российская газета. 1993. 25 декабря.

61

Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

На дату сдачи рукописи в издательство в Российской Федерации конституционные (уставные) суды действуют лишь в шестнадцати субъектах Российской Федерации, в остальных названные суды не учреждены.

Закон РСФСР от 04 июля 1992 года № 1543-1 «Об арбитражном суде» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1013.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

Кодекс РСФСР об административных правонарушениях // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 года по делу «Рябых против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2003. № 12; Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 апреля 2005 года по делу «Волков против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 11. – С. 73; Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июля 2005 года по делу «ОАО «РОСЭЛТРАНС против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 3. – С. 36; Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 декабря 2005 года по делу «Смарыгин против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 6. – С. 93; Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 марта 2006 года по делу «Николаев против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 3. – С. 51.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Федеральный закон от 04.12.2007 № 330-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6243.

Федеральный закон от 09.12.2010 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.

Ковтков Д.И. Кассационное производство в гражданском процессе. Автореф. дисс… канд. юрид. наук. – М., 2015. – 32 с.

Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

Федеральный закон от 23.12.2010 № 381-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2010. № 52 (ч. 1). Ст. 6996.

СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

Ермошин Г.Т. Объединение высших судов: еще одна судебная реформа или реализация накопленного опыта? // Российский судья. 2013. № 11. – С. 44–47; Лукьянова И.Н. Пересмотр судебных актов: движение к правовой определенности или движение по спирали правовой неопределенности? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. – С. 3–8.

Сергей Иванов: новой крупномасштабной судебной реформы в России не планируется / ТАСС [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/ politika/1756895 (дата обращения 12.02.2015).

Федеральный закон от 28.06.2014 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3392.

Капица С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – С. 95.

Новый энциклопедический словарь. – М.: РИПОЛ классик, 2014. – С. 1238.

82

В редакции, действовавшей до внесения изменений Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», упоминался еще Высший Арбитражный Суд Российской Федерации. После вступления в силу названного закона в юридическую силу статья 127 исключена из содержания Конституции России.

83

Савицкий В.М. Комментарий к статье 118 / Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 1997. – С. 600.

В настоящее время суд по интеллектуальным правам является специализированным судом системы арбитражных судов. Другие специализированные суды пока не созданы.

85

Пункт 7 статьи 1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

Жуйков В.М. Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту. Автореферат дисс… докт. юрид. наук. – М., 1997. – С. 6.

Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. – М.: Изд. Юрид. лит., I960. – С. 137–138.

Бахрах Д. Нужна специализация судей, а не судов / СПС «Консультант-Плюс».

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

91

Федеральный закон от 07.08.2000 № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3346.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

93

Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР 1960. № 40. Ст. 592.

Кодекс РСФСР об административных правонарушениях // Ведомости ВС РСФСР 1984. № 27. Ст. 909.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Используется проект № 246960-6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в третьем чтении [Электронный ресурс]. URL: http://asozd.duma.gov.ru (дата обращения 05.03.2015).

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2011/07/14/pravosoznanie-dok.html (дата обращения 17.03.2014).

Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

Назарова И.С. Конституционное судопроизводство: на материалах деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Дисс… докт. юрид. наук. – М., 2000. – С. 9; Цибульский В.В. Конституционное судопроизводство в Российской Федерации. Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 9.

Цибульский В.В. Указ. соч. – С. 63.

101

Согласно дефиниции, данной профессором М.К. Треушниковым в учебнике Гражданский процесс 2000 года издания, под стадией процесса понимается совокупность процессуальных действий, направленных к одной близлежащей цели. Как мы видим из определения стадий конституционного судопроизводства В.В. Цибульского, они охватывают не только деятельность суда, но и лиц, обращающихся за судебной защитой.

Лебедев В.М. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ. – М.: Норма, 2004. – С. 303.

103

Гайдидей Ю.М. Судебная система в современной России: общетеоретический аспект. Дисс… канд. юрид. наук. – М.: 2012. – С. 8.

Жилин ГА. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. – М.: Проспект, 2010. – С. 18–19; Петрухин И.Л., Батурова Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. – М., 1979. – С. 18.

105

Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. – М.: Спарк, 2000. – С. 89.

Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. – М.: Формула права, 2007. – С. 22.

107

Алексеевская Е.И. Теоретические и практические проблемы производства в суде надзорной инстанции. Дисс… канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 126–127.

Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития надежда и драма современной эпохи. – М.: Статут, 2000. – С. 117.

Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 115.

Там же. – С. 116.

Алексеевская Е.И. Указ. соч. – С. 11.

112

Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. Дисс… канд. юрид. наук. – Иркутск, 2001. – С. 11–12.

113

Безлепкина О.В. Административно-правовая организация деятельности Судебного департамента при Верховном Суде РФ на системной основе. Дисс. канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2012. – С. 10.

Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права: сб. ст. – М.: Юрист, 2000. – С. 80–81.

Жуйков В.М. Указ. соч. – С. 84.

116

Личность и уважение к закону (Социологический аспект) / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. – М.: Издательство «Наука», 1979. – С. 17.

117

Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

118

Лукьянова И.Н. О Концепции единого Гражданского процессуального кодекса (в поисках баланса правовой определенности и справедливого правосудия) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. – С. 28–33

119

Цит. по Кетову Ю.М. Современные проблемы развития системы государственной власти республик в составе Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на Северном Кавказе. – М.: Аикил, 2005. – С. 68.

Изначально автор полагал, что институт непосредственного доклада о нарушениях закона высшему должностному лицу органа власти представляет изживший себя атавизм, но по мере увеличения градиенты дестабилизации системы органов государственной власти, в том числе судебной, у населения не остается никакого иного действенного способа защитить себя от произвола чиновников на местах, кроме как обратить внимание главы соответствующего органа власти на произвол его подчиненных. Однако вероятность того, что должностное лицо вникнет в суть проблемы, ничтожно мала.

121

Лесницкая Л.Ф. Некоторые проблемы пересмотра судебных постановлений в суде общей юрисдикции / Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. – М.: Статут, 2008. – С. 365.

122

См. напр.: Грун А.Я. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. – М., 1969. – С. 6.

123

См. напр.: Балашова И.Н. Проблемы пересмотра судебных постановлений в порядке надзора в гражданском судопроизводстве. Дисс… канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – С. 163; Новик-Кочан М.Ю. Надзорное производство в гражданском процессе. Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 9.

Абрамов С.Н. Гражданский процесс: Учебник для юридических школ. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. – С. 181.

125

Карнаушенко Л.В. Исторический опыт реформирования системы государственного управления Российской Федерации (1993–2004 гг.): монография. – Краснодар: ун-т МВД России, 2009. – С. 5.

Радаева О.И. Об обеспечении единства судебной практики по делам о праве общей собственности на жилое помещение // Российский судья. 2013. № 2; Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др. / 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2014; Султанов А. Восстановить нарушенное право // ЭЖ-Юрист. 2012. № 26. – С. 11; Попондуполо В.Ф., Слепченко Е.В. Судебная система: состояние и проблемы совершенствования // Арбитражные споры. 2014. № 1. – С. 5–24.

127

Журавлева О.В. К вопросу о единообразии судебной практики при рассмотрении гражданских дел // Российская юстиция. 2013. № 4. – С. 41–45.

128

Эффективность гражданского судопроизводства в России: институциональный анализ и институциональное проектирование / Аузан А.А., Бальсевич В.Л., Водопьянова. Е.А. и др. – М.: ИИФ «СПРОС» КонфОП, 2005. – С. 15–17, 29.

129

Маршенова А.М. Судебная власть Российской Федерации на современном этапе развития / Проблемы реформирования судебной системы: Сборник материалов Северно-Кавказской научно-практической конференции преподавателей (17–18 ноября 2004 года). – Нальчик: Каб. – Балк. ун-т, 2005. – С. 43.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» // Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/second.php (дата обращения 12.11.2014).

Долова А.З. Некоторые аспекты реформирования судебной системы / Проблемы реформирования судебной системы: Сборник материалов Северно-Кавказской научно-практической конференции преподавателей (17–18 ноября 2004 года). – Нальчик: Каб. – Балк. ун-т, 2005. – С. 5; Боташева А.Х. Независимость судебной власти: влияние внешних и внутренних факторов // Там же. – С. 14; Захаров В.В. Экономика дореформенного правосудия в России (вторая треть XIX в.) // История государства и права, 2014. – С. 6–11; Клеандров М.И. Об обретении судебной властью Российской Федерации финансовой независимости // СПС «КонсультантПлюс».

Алексеевская Е.И. Судебная реформа в фокусе экономических циклов // Право и экономика. 2015. № 7. – С. 20–29.

133

Берсенева Т. Суд практически работает на корзину // nPABO.RU [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.ru/court_report/view/117053/ (дата обращения 26.04.2015).

Солопов М. Александр Бастрыкин предложил изменить Конституцию // Газета РБК [Электронный ресурс]. URL: http:// rbcdaily.ru/ politics/562949994141356 (дата обращения 10.08.2015).

Анкета с вопросами была разослана 175 респондентам – сотрудникам (ученым и преподавателям) Университета, предпринимателям и служащим. По категориям респондентов 75,4 % из них имеют высшее образование, 16 % два высших образования и 4 % иностранную образовательную степень. Около 3-х и 1-го процентов респондентов имеют среднее профессиональное и обще среднее образование соответственно. Поэтому анкетирование можно назвать репрезентативным в сравнение с официальными данными уровня образования населения

Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ) / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. – С. 6.

137

Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: http://www. rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html (дата обращения 01.08.2015).

138

См. напр.: Постановление Европейского суда по правам человека от 10.01.2012 «Дело Ананьев и другие» (жалоба № 42525/07, 60800/08) / http:// www.echr.ru/documents/doc/70114844/70114844-001.htm (дата обращения 10.08.2015).

139

Письмо Верховного Суда Росси от 30 июля 2003 года № 1597-7/общ.

Постановление Пленума Верховного Суда России от 17 февраля 2015 № 7 / http://www.supcourt.ru/second.php (дата обращения 01.04.2015).

Фурсов Д.А. Формирование обновленного состава ВС РФ // Вестник гражданского процесса. 2014. № 3. – С. 242–252.

142

Российское законодательство X-XX веков. Т8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 8–13.

Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. – М.: ВНИИТИ, 2000. – С. 239.

Постановление Европейского Суда по делу «Хорнсби против Греции» от 19 марта 1997 года; постановления Европейского Суда по делу «Бурдов против России» от 7 мая 2002 года; постановление Европейского Суда по делу «Шестаков против России» от 18 июня 2002 года.

145

Вспоминаются законы историка Сирила Норткота Паркинсона: первый закон, в основе которого стремление чиновника множить подчиненных, а не соперников; и создание друг другу объема работ; и закон тысячи, согласно которому если в учреждении работают более тысячи сотрудников, то оно становится самодостаточным не нуждается в контактах с внешним миром. Эти эмпирические законы хорошо демонстрируют диалектическую триаду / URL: https://ru.wikipedia.org/Закон Паркинсона (дата обращения 01.08.2015).

Алексеевская Е.И., Кожевникова Ю.С. Информационные технологии как точка соприкосновения органов исполнительной и судебной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 9. – С. 35–38.»

147

Борзов В.М. Об оценке профессионального уровня судьи и его критериях. Современные проблемы судоустройства и организации судебной деятельности в Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 12–13 апреля 2012 года. – Екатеринбург, 2013. – С. 4–6.

148

В Российской академии правосудия уверяют, что вуз попал в список неэффективных по ошибке // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: http:// www.interfax.ru/russia/342658 (дата обращения 01.06.2015). Несмотря на эти заверения, статус вуза понижен с академии до университета.

149

Эффективность гражданского судопроизводства в России: институциональный анализ и институциональное проектирование / Аузан А.А., Бальсевич В.Л., Водопьянова. Е.А., Маковецкая С.Г., Сорк Д.М., Тамбовцев В.Л., Черняков И.В.; Институт гражданского анализа; Институт национального проекта «Общественный договор» – М.: ИИФ «СПРОС» КонфОП, 2005.» – С. 29; Доверие к судам // Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru (дата обращения 13.07.2015).

150

Е.В. Белянова отмечает, что в новейшей истории России единственный период, который можно гипотетически квалифицировать как экономический цикл – это промежуток между кризисами конца 1990-х и конца 2000-х годов // Белянова Е.В. Экономический цикл в России в 1998–2008 годах: зарождение внутренних механизмов циклического развития или импортирование мировых потрясений? // Экономический журнал ВШЭ. 2012. Т. 16. № 1. – С. 38.

[Электронные документы] http://www.arbitr.ru/_upimg/724306690007BEE70 80EE56EAB938A93_1.pdf; http://www.arbitr.ru/_upimg/9D21B607468CB87DE8953D0 FF45866E3_02_itogiVAS08.pdf; http://www.arbitr.ru/_upimg/F82B700D5F32778693DA B35DA989FD41_1_осн_показатели_04-07.pdf; http://www.arbitr.ru/_upimg/CD7C944 677B836 °C4E440793BF11905E_vas_05-1_rassm-d.pdf (дата рецепции 06.07.2014).

152

В связи с объединением Высшего Арбитражного Суда России с Верховным Судом России в 2014 году статистика работы арбитражных судов на официальном сайте за прошлый год не представлена, поэтому используются имеющиеся статистические данные.

153

Федеральный закон от 29.12.1999 № 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 1 (часть I). Ст. 1.

154

См. напр.: Федеральный закон от 02.12.2013 № 349-ФЗ «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» // Российская газета. № 276. 06.12.2013.

Нормы нагрузки судей и работников аппарата судов субъектов Российской Федерации», утв. Постановлением Минтруда РФ, Минюста РФ от 27.06.1996 № 41а/06-74-124.

Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

Результаты работы арбитражных судов // Федеральные арбитражные суды РФ [Электронный ресурс]. URL: http:// www.arbitr.ru/press-centr/news/ totals/ (дата обращения 01.08.2015).

158

Согласно Аналитической записке к статистическому отчету о работе арбитражных судов Российской Федерации в 2012 году // [Электронный документ]. http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/ (дата обращения 12.03.2015).

159

Согласно Отчету Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению гражданских дел в порядке надзора за 12 месяцев 2013 года // http:// www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361(дата обращения 12.03.2015).

http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360 (дата обращения 12.03.2015).

http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals/ (дата обращения 12.03.2015).

Михалева А. Отверженным судьям ВАС нашли работу // ПРАВОЕ [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.ru/court_report/view/111120/ (дата обращения 14.03.2015).

Романов Д. Провальные показатели репутации российских судов // http://pravo.ru/review/view/48726/; Российский суд теряет завоеванное доверие // ПРАВОЕ [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.ru/review/view/75723/ (дата обращения 14.03.2015)

Шиняева Н. Доверие граждан к судебной системе решено не учитывать при ее развитии // ПРАВОЕ [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.ru/ review/view/81479/ (дата обращения 12.03.2015).

Капица С. Указ. соч. – С.104.

166

Глава ВАС предложил сократить количество арбитражных судей, увеличив за счет этого зарплату оставшимся // http:// www.gazeta-yurist.ru/arbitr. php?i = 1049 (дата обращения 18.01.2014).

Данилов С.Ю. Конституционная экономика в зарубежных странах: учеб. пособие. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 64.

Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.

http://www.hyperbolic-growth.ru/Glavnyj_zakon_rosta.html (дата обращения 03.04.2015

Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу. Изд. 2-е доп. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 37.

Капица С. Указ. соч. – С. 192.

Белянова Е.В., Николаенко С.А. Экономический цикл в России в 19982008 годах: зарождение внутренних механизмов циклического развития или импортирование мировых потрясений? // Экономический журнал ВШЭ. 2012. Т. 16. № 1. – С. 38.

173

Учреждения для управления губерний Всероссийския империи / Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода абсолютизма. Том 5. – М.: Юридическая литература, 1987. – С. 170–172.

Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты. Дисс… докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – С. 8.

Терехова Л.А. Указ. соч. – С. 86.

Евдокимов В.В., Тухватуллин Т.А. О необходимости создания конституционных (уставных) судов в субъектах российской федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. – С. 112–121.

Лукьянова Е.А. «Золотая середина» российского централизма, или еще раз об истоках федеративной природы России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. – С. 4–21.

Лебедев В.М. Указ. соч. – С. 241.

Сорокин Д.С. Реформирование системы органов исполнительной власти Российской Федерации. – М.: Издательство «КОГИТО-ЦЕНТР», 2003. – С. 5.

Лужков Ю.М. Путь к эффективному государству: План преобразования системы государственной власти и управления в Российской Федерации. – М.: Издательство МГУ, 2002. – 206 с.

181

Старовойтов А.А. Административно-правовое регулирование организации и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ. – СПб.: Издательство СЗАГС, 2005. – С. 134.

Скуратов Ю.И. Современные проблемы развития судебной и правоохранительной системы Российской Федерации. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 14.

183

См. напр. Статью 18 Федерального конституционного закона от 21.07.2007 № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3745.

Алексеевская Е.И. Указ. соч. – С. 39.

Алексеевская Е.И. Указ. соч. – С. 40.

Фархтдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. Автореф. дисс…докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 12.

Рязановский В.А. Единство процесса. – М: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. – 80 с.

В гражданском процессе основания для отмены или изменения судебных актов только в апелляционном порядке представляют собой перечень нарушений норм материального и процессуального права, в кассационном производстве и в надзорном – оценочные критерии, что не позволяет в полной мере формировать единство судебной практики и обеспечивать единство правового пространства, поскольку единоличное рассмотрение кассационной (надзорной) жалобы или представления прокурора судьей соответствующей судебной инстанцией значительно снижает шансы на признание заявленных нарушений достаточным поводом для отмены или изменения оспариваемых судебных актов.

Треушников М.К. Гражданский процесс. – М.: Городец. 2000. – С. 35.

Алексеевская Е.И. Указ. соч. – С. 9, 47–77.

Представляется, что по мере перехода на электронное правосудие истребование дела как самостоятельный этап проверочного производства станет незаметен, поскольку не будет необходимости направлять требование о направлении дела в вышестоящую судебную инстанцию в определенный срок, а будет возможность обозреть материалы дела в электронной версии и найти ответы на поставленные в процессуальном обращении вопросы просто кликнув на соответствующий архив файлов. Несомненно, такое достижение технического прогресса должно облегчить лицам, участвующим в деле, доступ в суд.

Имеются в виду кодексы, которые должны устанавливать правила судопроизводства в уголовном, гражданском и арбитражном, административном процессе.

193

Алексеевская Е.И., Гутникова А.С. Проблемы реформирования гражданского процессуального законодательства в части проверочных производств // Законы России: опыт, анализ, практика. № 10. 2013. – С. 87.

194

Буцковский Н. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым). – СПб, Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1872. – С. 3–4.

Буцковский Н. Указ. соч. – С. 5–6.

Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам (производство в надзорной инстанции). – М.: Wolters Kluwer, 2006. – 280 с.

197

Борисова Е.А. Производство по проверке судебных постановлений в порядке надзора в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. 2003. № 9. – С. 76; Никоноров С.В. Производство в порядке надзора в гражданском процессе. Дисс… канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 55; Алексеевская Е.И., Гутникова А.С. Указ. соч. – С. 87; Рехтина И.В. Надзорное производство в гражданском процессе: вопросы теории и практики. – М.: Юрлитин-форм, 2010. – С. 6–10.

БерсеневаТ Указ. соч.

Фурсов Д.А. Формирование обновленного состава ВС РФ // Вестник гражданского процесса. 2014. № 3. – С. 242–252.

Морщакова Т. Российские суды: реформа или контрреформа? // Forbes [Электронный ресурс]. URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/ vertikal/276191-rossiiskie-sudy-reforma-ili-kontrreforma (дата обращения 09.04.2015).

СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

Имеется в виду ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод в 1998 году.

203

Там же.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/second.php (дата обращения 01.04.2015).

205

Имеется в виду Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

206

Постановление Европейского Суда по правам человека от 17.04.2012 «Дело «Илюшкин и другие (Ilyushkin and Others) против Российской Федерации»» (жалоба № 5734/08, 20420/07, 54342/08, 56997/08, 60129/08, 4561/09, 7738/09, 11273/09, 11993/09, 16960/09, 20454/09, 21964/09, 26632/09, 28914/09, 31577/09, 31614/09, 31685/09, 32395/09, 35053/09, 36327/09, 38180/09, 45131/09, 48059/09, 52605/09, 56935/09, 58034/09, 59761/09, 1048/10 и 1119/10).

Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. – М.: Издательство МНИМП, 1998. – С. 201.

Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2007. – С. 64–81.

Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. – М.: Статут, 2006. – С. 10–11.

Постановление Европейского суда по правам человека от 22.07.2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.echr.ru/documents/
doc/2466723/2466723-001.htm (дата обращения 01.08.2015).

211

Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. д.ю.н. Т.Г. Морщаковой. – М.: Мысль, 2012. – С. 168.